

Дарья Донцова

Две невесты на одно место

ПРОЩЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Две невесты на одно место
Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125521

*Дарья Донцова. Две невесты на одно место: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-10933-1*

Аннотация

Две невесты на одно место... Да, попал Иван Павлович Подушкин между молотом и наковальней. Сразу две дамы утверждают, что Ваня – отец их будущих малюток и, как честный человек, обязан жениться. Конечно, на худой конец, можно и жениться, но на ком из двух? И что делать со второй претенденткой на Ванины руку и сердце? Короче, пока Подушкин пытается хоть как-то решить свои личные проблемы, его хозяйка Элеонора тоже не дает Ване продохнуть. Он мечется по городу, расследуя очередное дело. Их клиент Игорь Самойлов встретил на одной из вечеринок воплощение своей детской мечты. Она была как две капли воды похожа на девушку с календаря. Когда-то в юности Игорь даже придумал ей имя – Франсуаза. И вот совпадение – прекрасное видение тоже звалось Франсуазой. А через некоторое время девушка исчезла из жизни Самойлова так же внезапно, как и появилась. Из квартиры Игоря

ничего не пропало. Да и не было у него особых ценностей, разве что коллекция старинных карт, которую собрал его отец. Старый профессор всю жизнь искал пиратские сокровища и даже утверждал, будто нашел место, где они спрятаны...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дарья Донцова

Две невесты на одно место

Глава 1

Родители плохого не посоветуют. Папа с мамой уже успели наделать кучу ошибок и теперь пытаются предостеречь детей. Но, увы, все тщетно: люди, как известно, предпочитают учиться на личном горьком опыте.

Все матери в один голос говорят подрастающим дочерям: связывай свою судьбу только с положительным мужчиной, врун, пьяница и постаскун тебе не нужен. Но отчего-то большинство девушек не слушается матерей и предпочитает испорченный вариант. Причем чем больше червоточин имеет жених, тем сильнее его любят. Уж не знаю, какими мыслями руководствуются прелестницы, обращая свой взор в сторону неудержимых пьяниц и самозабвенных бабников, может, в каждой представительнице слабого пола дремлет педагог и женщины просто испытывают физиологическую потребность кого-то перевоспитывать? Или тут срабатывает некий охотничий азарт: ага, вон улыбается обольстительный Казанова, укладывающий в постель все, что движется. Попробую-ка я его приручить, пристегнуть к своей юбке, ей-богу, непростая задача: окольцовывание Дон Жуана. Увы, тем, кто

лелеет подобные замыслы, в хорошенькие головки не закрадывается простое соображение: что родилось, то и выросло, любителя бутылки и обожателя юбок не переделать, он способен лишь на некоторое время сосредоточиться лично на вас, потом его снова потянет на подвиги. Ну отчего бы не кинуть взор на нормального человека, например, такого, как мой приятель Слава Минаев? Он доктор наук, профессор, работает в Московском университете, преподает математику. Зарплата его, конечно, не особо велика, но она стабильна, а ректор частенько подбрасывает сотрудникам какие-то надбавки, пустячок, а приятно. Живет Минаев один, никаких родственников вроде вечно брюзжащей маменьки, наглой младшей сестрицы или въедливого отца у него нет. Квартира у Славы очень даже ничего, нормальная, стандартная московская трешка, две комнаты смежные, одна изолированная. Славка не пьет, не курит, не кобелирует, после работы едет домой, где готовит себе ужин. Минаев страстный кулинар, обладатель огромного собрания книг о вкусной и здоровой пище. Еще он, уже начав сесть, ни разу не был женат, поэтому не обременен алиментами, воспитанием отпрысков и перманентным выяснением отношений с бывшей супругой. Славка хочет создать хорошую, крепкую семью, иметь двоих детей, в общем, являет собой настоящий бриллиант, идеальный вариант для ярмарки невест.

Минаеву по большому счету плевать на внешность и материальное положение избранницы, он романтик, влюбля-

ющийся в душу, а не прожженный тип, предпочитающий иметь дело лишь с пышногрудыми и длинноногими блондинками. Кажется, что подобного мужчину бабы рвут на части, пытаясь отвести в загс. Около квартиры Минаева, на мой взгляд, должна топтаться очередь из девиц, хорошо понимающих: Славка – их ожившая мечта. Ан нет, в действительности дело обстоит по-иному. Все «обоже» Минаева, пообщавшись с ним пару месяцев, бросают профессора. Приятель страдает, он искренне не понимает, отчего любимая не захотела с ним жить.

Примерно два месяца назад мы со Славой сидели в этом же трактире, за тем же столиком, помнится, приятель тогда со вздохом спросил:

– Ваня, отчего ты не женат?

Обычно, услышав подобный вопрос, я отшучиваюсь, говорю нечто типа: «Не дорос еще», – но в тот раз у меня было отвратительное настроение, я разошелся со своей любовницей Лизой, поэтому вдруг заявил:

– Представить себе не можешь, до чего мне надоели дамы, читающие Маркеса и регулярно посещающие симфонические концерты. Просто коробит от вежливого лицемерия, уж лучше найти обычную девушку, с не обезображенным интеллектом личиком, хорошую хозяйку, обзавестись потомством и жить счастливо. Дача, домашние консервы, дети, внуки...

Между прочим, я вовсе не чадолубив, семейные прелести меня не радуют, просто в тот момент Слава попал паль-

цем в рану. Только-только пережив разрыв с Елизаветой, я не очень адекватно реагировал на раздражители.

– Вот я нашел себе такую, – радостно воскликнул Слава, – Верочку! Как она тебе, кстати? Очень меня любит.

Я вздохнул: ох, надолго ли любовь?

И вот сейчас друг снова и снова с недоумением восклицает:

– Ну скажи, что плохого я сделал Вере?

Я молча уставился в чашку с отвратительно приготовленным напитком. Увы, даже в элитных заведениях общественного питания, коих в Москве теперь не счесть, не умеют правильно заваривать зеленый лист. Просто удивительно, но работники кухни не знают самых элементарных вещей: вода для зеленого чая берется не из водопровода, она...

– Ваня, – с отчаяньем воскликнул Слава, – так как? В чем, по-твоему, я виноват?

Увы, бедному Славке ничего не объяснить, Впрочем, так же, как и местному «чаеведу», который сейчас ничтоже сумняшеся залил чашки крутым кипятком, используя обычную нефильтрованную воду из-под крана на кухне. С Верой Слава прожил полгода. Минаев познакомился с ней в магазине, куда пришел покупать ботинки. Вера стала обслуживать клиента, к слову сказать, она довольно миленькая, этакая простушечка с широко распахнутыми голубыми глазами, и Слава предложил ей провести вместе вечер.

Глядя, как разворачиваются их отношения, я наивно по-

лагал, что приятель наконец-то нашел супругу. Вера прибыла в Москву из областного, захолустного городка, удрала от родителей-алкоголиков к тетке. Образования у девушки особого нет, в кармане лежал диплом некоей организации, готовящей в рекордно короткие сроки продавцов. Жила красавица в тесноте, считала копейки и мечтала встретить принца. А тут бац – Славка, может, и не королевских кровей, но вполне даже ничего, с квартирой, машиной, дачей и окладом. Вера перебралась к Минаеву, и Славка, захлебываясь, рассказывал мне, какая она замечательная.

– Мне так повезло, – повторял он.

Но я понимал, что выигрышный билет вытащила девица.

Хозяйством она себя не обременяла. Как я уже упоминал, готовит Минаев сам и продукты любит выбирать лично. Славе принципиально, чтобы рис для ризотто был нужной длины и цвета, поэтому Минаев самостоятельно ходит по лавкам и рынкам. Нудную работу: уборку, стирку, глажку у Славы выполняет хмурая Галя. Приходит два раза в неделю и наводит порядок, поэтому, на мой взгляд, жизнь Веры напоминала праздник. Минаев мгновенно забрал ее из обувного магазина и отдал учиться на дизайнера. Утром Славка отвозил кралоу на занятия, потом заезжал за ней, и они отправлялись домой, в чисто убранное гнездышко, где он становился к плите, а дама ложилась на диван и смотрела телевизор. Кто бы из вас, милые дамы, отказался от подобного счастья? Да сто женщин из ста сейчас испытывают зависть к девушке. Но

Вера оказалась сто первой. Вчера она, пока Славка ходил в гастроном, собрала свои вещи и ушла, оставив на столе записку: «Прощай, больше с тобой жить не могу!»

И вот теперь Минаев восклицает:

– Ну почему она так поступила? Я не пил, не курил, не обижал Веру, не поднимал на нее руку.

– Может, иногда следовало давать ей затрещины, – вздохнул я, – раз в неделю, по пятницам.

– Ваня, – возмущенно воскликнул Слава, – я спрашиваю совета, у меня ситуация нервная, стрессовая, а ты хохмишь! Право, неуместно.

Я снова уткнулся в чашку. Вовсе не думал шутить. Увы, порода людей, которые не способны оценить хорошее к себе отношение, слишком многочисленна. Девушки, подобные Вере, считают интеллигентность глупостью, и потом, они выросли в такой среде, где колотушки являются признаком мужественности. Славе надо либо в корне менять поведение, либо искать новую любовницу в ином социальном слое. Я чужд снобизму, но создавать семью следует только с тем, кто читал в детстве и юности те же книги, что и ты.

– Помоги мне, Ваняша, – продолжал тем временем Минаев.

– Чем? – осторожно спросил я.

– Съезди к Вере, спроси, что случилось? Может, я обидел ее ненароком и не заметил?

– А ты позвони ей.

- Она мобильный отключила.
- А ты знаешь, куда Вера отправилась?
- Думаю, к тетке.
- Обратись туда.
- Там никто трубку не берет.
- Съезди на квартиру.
- Уже был там.
- И что?

Славка начал вертеть лежащий на столе нож.

– Ничего, дверь не открыли, хотя дома кто-то был, знаешь, когда в «глазок» изнутри смотрят, в нем тень мелькает.

Я кивнул:

– Верно. Это я в отношении «глазка». Раз с тобой не желают общаться, то вычеркни девицу из своей биографии, забудь Веру, другая найдется.

– Пожалуйста, съезди к ней, – взмолился Слава.

– Ну ладно, – сдался я, – хотя, честно говоря, я не вижу никакого смысла в разговоре с Верой.

– Очень прошу, – чуть не зарыдал Минаев.

– Хорошо, давай адрес.

Славка быстро продиктовал название улицы, я начал записывать координаты в блокнот, и тут завопил мобильный. На том конце провода оказалась Нора.

– Ваня, – гневно воскликнула она, – ты где?

– В ресторане, ужинаю.

– С какой стати?

– Ну... мы встретились со Славой Минаевым...

– Мне однофигственно, где и с кем ты болтаешься, – вскипела Нора, – немедленно кати домой! Клиент едет!

– Но вы же дали мне сегодня выходной, – напомнил я.

– Ну и что? А сейчас отобрала назад, – уже совершенно спокойно сообщила Нора и отсоединилась.

Я положил мобильный в барсетку. Спорить с Элеонорой всегда было бесполезным делом, а после того, как она в прямом смысле слова встала на ноги, моя работодательница и вовсе не желает слушать никого, кроме себя. Некоторое время назад моя хозяйка решилась на весьма болезненную операцию. Шансы на то, что она начнет передвигаться самостоятельно, без инвалидного кресла, были крайне малы, но не имейся у нее самой крохотной надежды, Нора бы и тогда рискнула. Наши хирурги отговаривали больную от опрометчивого шага, пугали полной парализацией.

– Да, – восклицали «добрые» медики, – вы наконец-то избавитесь от кресла на колесах, но ляжете в кровать и не сумеете даже сидеть.

Но надо знать Нору. Ехидно улыбаясь, она поступила по-своему и сейчас может стоять и передвигаться на небольшие расстояния. Поняв, что ноги кое-как, но подчиняются ей, хозяйка мигом избавилась от всего, что напоминало об инвалидности. Она сделала в доме ремонт и выкинула кресло на колесах. Я попытался вразумить Нору и сказал ей:

– Извините, конечно, что наступаю на больную мозоль, но,

на мой взгляд, неразумно выносить вон коляску.

– Не занудничай, – взвилась Элеонора.

– Вдруг вы устанете и упадете в коридоре?

– Нет.

– Путь от спальни до ванной занимает у вас почти час.

– Это пока, через полгода я начну бегать.

– Вам трудно вставать без посторонней помощи.

– Справлюсь.

– Вдруг свалитесь в ванной?

– Ерунда.

– И все же оставьте кресло на колесах, оно может пригодиться, – умолял я Нору.

Но тщетно, вместо того чтобы внять голосу разума и спокойно сказать домработнице: «Ну-ка, прибери „повозку“», – Нора заорала на меня:

– Ваня, ты идиот! За фигом тогда было делать операцию, если теперь опять рассекать в коляске? Все! Конец! Я снова на двух ногах! Немедленно замолчи! И еще, давай поспорим на твой месячный оклад, что в марте месяце я спокойно стану пользоваться метро!

– Господи, – изумился я, – зачем вам подземка? Вы в нее сколько лет не спускались.

– Весной преспокойно спущусь, – пообещала Нора, – и еще построю дом за городом, с лестницей на второй этаж и начну носиться по ней, перескакивая через ступеньки. Так как? По рукам?

Я покосился на календарь: ноябрь. До марта месяца уйма времени.

– Пожалуй, спорить с вами – бесполезное занятие.

– Золотые слова! – воскликнула хозяйка. – Еще я запишусь в балетную студию.

– В вашем возрасте! – вырвалось у меня.

– Не хами, – огрызнулась Нора, – имей в виду, если я замечу, что ты относишься ко мне как к убогой, мигом оштрафую, стану бить рублем. Усек, котик?

Выпалив сию тираду, Нора развернулась и очень медленно побрела к двери. Было понятно, что каждый шаг дается даме с невероятным трудом. Палкой она не пользуется из принципа, не делает себе никаких поблажек.

Внезапно Нора покачнулась, я было дернулся, чтобы подхватить хозяйку, но вовремя остановил себя. Элеонора уцепилась за стену, потом обернулась и кивнула:

– Правильно, Ваня, молодец, ты делаешь успехи.

Я только вздохнул – ну и характер. Вот поэтому-то около Норы нет близких людей. Кто же выдержит около биоробота-перфекциониста?..

– Ваняша, – напомнил о себе Славка, – так как, поможешь?

– Непременно, – кивнул я, – но не сегодня, Нора зовет на работу.

– Конечно-конечно, – закивал Слава, – только согласись.

– Не волнуйся, – успокоил я Минаева и ушел.

Дома в прихожей обнаружилось незнакомое пальто, явно дорогое, кашемировое, импортного производства, сверху висел красивый шелковый шарф, может, слегка ярковатый для мужчины. Похоже, что клиент уже сидит в кабинете.

Быстро сняв верхнюю одежду и причесавшись, я дошел до рабочей комнаты и без стука распахнул дверь. Нора трудится там же, где живет, но служебная часть апартаментов отделена от личных покоев. Мне бы и в голову не пришло ввалиться в спальню Норы без предупреждения, более того, я вообще туда не заглядываю, но в кабинет вхожу спокойно, без поскребывания в филенку.

– Вот и Иван Павлович! – приветливо воскликнула хозяйка.

Сидевший в кресле мужчина вежливо встал и протянул мне руку.

– Очень приятно, Игорь Самойлов.

Я пожал крепкую ладонь и протокольно улыбнулся. Непонятно, сколько лет этому Игорю, ведь в наше время, когда сильный пол начал всю использовать новинки косметологии типа фотоомоложения, химического пилинга и инъекций ботокса, многие пенсионеры стали выглядеть молодыми парнями.

– Все в сборе, – возвестила Нора, – можете спокойно рассказывать, что за печаль привела вас сюда.

Игорь кивнул:

– Попытаюсь изложить события связно, хотя, боюсь, придется начать издалека, иначе вы ничего не поймете.

– Мы никуда не торопимся, – заверила его Нора.

Игорь сцепил пальцы в замок.

– Мне посоветовала обратиться к вам Ляля Георгадзе. Знакомы с ней?

– Да, – одновременно ответили мы с Норой.

Еще бы нам не знать Георгадзе! Примерно полгода тому назад Ляля, заливаясь слезами, ворвалась к нам и поведала об исчезновении своей дочери, красавицы Лианы.

– Ее похитили, – колотилась в истерике Ляля, – вчера позвонили и потребовали выкуп.

Не стану утомлять вас подробностями, скажу лишь, что Нора справилась с задачей ровно за сутки. Лиана была обнаружена на квартире своего любовника. Парочка, понимая, что родители девочки никогда не разрешат ей выйти замуж в шестнадцать лет, решила заработать и скрыться. Естественно, дальше нас с Норой история не пошла.

– Ляля сказала, что вы способны за двадцать четыре часа найти пропавшего человека! – нервно воскликнул Игорь.

– Не всегда, – ответила Нора.

– Но ее дочь вы обнаружили.

– Верно.

– Теперь помогите мне!

– Мы не сумеем ничего предпринять, пока не узнаем, в чем проблема, – справедливо заявила Нора.

– Да, действительно, – пробормотал Игорь. – Значит, так. Много лет тому назад, когда я еще был школьником, моей маме на работе подарили настенный календарь импортного производства.

Когда Анна Ивановна принесла домой пакет, Игорь с интересом спросил:

– А там чего?

– Не смотрела, – равнодушно обронила мама, – но, судя по упаковке, очередная коробка конфет и календарь. Ты не разворачивай, Новый год на носу, отнесешь своей классной руководительнице, все меньше на презенты тратиться придется.

Но Игорь не послушался маму и, когда та отправилась на кухню, зашуршал обертками. Сначала он развернул нечто прямоугольное и понял, что мать права. Под оберточной серой бумагой оказалась коробочка дефицитного в советской стране лакомства «Вишня в шоколаде». Впрочем, и во втором случае мамочка не ошиблась, длинная трубка была календарем. Но каким!!!

Выпущен ежемесячник был во Франции, на каждой страничке красовались фотографии девушек в купальниках. Сейчас подобное издание сочтут целомудренным, все прелести молодых женщин были спрятаны, никакой обнаженной груди или, упаси бог, голой попки. Нет, стройные фигурки прикрывали бикини или так называемые «цельные» купальники. Но, напомним, дело происходило в приснопамят-

ные коммунистические времена, и Игорь чуть не умер, поняв, что попало к нему в руки. Чтобы мама не отняла восхитительное издание, он моментально сбегал в свою комнату, взял другой календарь, полученный в подарок на день рождения от одноклассницы, скромный образец отечественной полиграфической промышленности, украшенный фотографиями цветов, сунул его в пакет и с самым невинным видом сел за уроки.

Мама не заметила подмены, а подросток на следующий день привел с собой двух одноклассников, Юру и Владю, и они начали с упоением рассматривать картинки.

Парни были сражены наповал, во-первых, они не предполагали, что на свете существуют подобные красавицы, во-вторых, их поразил яркий педикюр. У советских женщин ухоженные ножки были редкостью, а еще у одной из фотомоделей имелся пирсинг в пупке, и мальчишки чуть не охрипли, споря друг с другом.

– Серьга торчит, – уверял Игорь.

– Нет, просто нарисовали, – ответил Владя.

– Не, проколото.

– Ты че! Разве ж там можно сделать дырку, – влез Юра, – это просто клипса.

Спорили до хрипоты, чуть не подрались, но потом помирились и поделили календарь, каждому досталось по четыре странички. На следующий день о восхитительных фото узнали все одноклассники, и в результате у Игоря осталась лишь

одна картинка, месяц май. На фотографии была запечатлена хрупкая, почти бестелесная девушка, с длинными прямыми светлыми волосами. Большие голубые глаза фотомодели мечтательно смотрели вдаль, тонкий нос мог показаться чуть длинноватым, но он совершенно не портил девушку, пухлые, капризные губки изгибались в улыбке, на правой щеке имела небольшая пикантная родинка. Модель сидела в плетеном кресле, слегка расставив ноги, на ней красовался ярко-красный купальник. Широко известный фильм с Шарон Стоун еще не был снят, но на Западе уже давно пережили такое явление, как сексуальная революция. На дворе стояла середина восьмидесятых годов, в СССР же, как известно, секса не было. Надеюсь, не стоит дальше объяснять, почему Игорь влюбился в прелестную незнакомку? Девушка была не только привлекательна физически, с первого взгляда на нее становилось понятно: она птица из иной стаи. Красавица никогда не ходила строем, горланя пионерские песни, не дремала на комсомольских собраниях, не имела затюканных жизнью родителей и не страдала от подростковых прыщей. Она была из другого мира, и этим все сказано.

Глава 2

Игорь вставил фото в рамку и повесил на стену. Мама возмутилась и велела:

– Сними порнографию.

Но всегда послушный Игорь на сей раз проявил строптивость и ответил:

– Ни за что.

Сначала у них с мамой вышел скандал, но потом Анна Ивановна смирилась. Впрочем, каждый раз, когда Игорь предупреждал о визите гостей, мама строго спрашивала:

– Девочки будут?

– Ну и что? – вспыхивал сын.

– Убери ужасный снимок, – вздыхала мать, – не конфузьте подруг. Я бы со стыда сгорела, войдя в комнату к парню, у которого такое украшение висит.

В десятом классе Игорь потерял невинность. Сначала его «учительницей» стала молодая вдова, которая переспала с ним в деревне, куда Игоря отправили на лето, а затем его соблазнила соседка, студентка третьего курса Валечка Малахова. Воспользовавшись тем, что никого из старших дома у Игоря не было, Валечка в одном халатике, наброшенном на голое тело, явилась к соседу попросить в долг сахар. Ни о чем таком не думавший парень спокойно насыпал в подставленную банку песок, Валечка чихнула, поясок пеньюара сам

собой развязался...

Через пару часов Игорь проснулся от неприятного ощущения тесноты, с трудом разлепил веки и увидел, что рядом на диване, забросив на него ногу, мирно посапывает Валечка.

Кровь бросилась парню в голову, испытывая бурю эмоций, не последней из которых был страх, Игорь поднял глаза и наткнулся взором на портрет Франсуазы. Уж не знаю по какой причине, но парень решил, что модель носит это имя.

В ту же секунду он понял: Валя уродка, отвратительно толстая особа, со спиной, покрытой веснушками, в соседке не было ничего общего с Франсуазой. Игорь ощутил приступ отвращения, он быстро растолкал студентку, отчаянно желавшую остаться на диване, и выставил девицу на лестничную клетку.

С тех пор всех своих любовниц Игорь сравнивал с Франсуазой. И как думаете, кто проигрывал? Сомнения нет, живые женщины совершенно блекли перед фото. И оно понятно почему. Девушки слишком много разговаривали, а Франсуаза молча улыбалась со стены. Из ее пухлого ротика не сыпались потоком глупости, она не требовала походов в кино, шоколадных конфет и колечек, не закатывала истерик и сцен ревности. Франсуаза была идеалом, реальная женщина не соответствовала завышенным требованиям Игоря, поэтому любовницы у него сменялись калейдоскопом.

В один момент, после двадцать пятого дня рождения,

Игорь начал испытывать неудобство от собственной ветрености и решил каким-то образом избавиться от власти снимка. Для начала Самойлов надумал кардинально сменить тип женщин, вместо голубоглазой блондинки парень закрутил роман с одной медсестрой, буряткой по национальности. Это был совсем иной типаж, чем Франсуаза, невысокая, коренастая девушка, с черными волосами и узким разрезом темно-карих глаз. Когда дело дошло до постели, Игорь, чтобы окончательно вылечить себя, спрятал фото Франсуазы в шкаф, устроился с медсестрой на диване и... ничего не смог. Медичка старалась изо всех сил, но в результате – полный облом. Разобиженная девица, обозвав кавалера импотентом, в гневе удалилась, Игорь вынул портрет, повесил на стену и понял: он обречен всю жизнь провести вместе с Франсуазой, ему никогда не полюбить другую девушку.

Дойдя до этого места, клиент прервался, вынул портсигар, повертел его в руках, потом вновь засунул изящную, похоже, золотую вещь в карман и спросил:

– Вам понятна моя ситуация?

– В общем, да, – кивнула Нора и, ткнув пальцем в шкаф, за стеклянными дверками которого посверкивали золотом корешки, добавила: – Проблема описана в трудах психологов. Первое впечатление... ну и так далее, я не специалист. Почему вы пришли ко мне? Думаю, вам следует обратиться к грамотному психоаналитику или психотерапевту, они умеют справляться с подобными состояниями.

– Я продолжу, – невозмутимо перебил Нору Игорь, – выслушайте до конца.

После эксперимента с буряткой Игорь более не рисковал, все его последующие женщины были словно из одного яйца: блондинки с голубыми глазами, но, увы, они не являлись Франсуазой. В анамнезе у Игоря имелась куча брошенных любовниц, и потихоньку он привык к мысли, что, скорей всего, жить ему придется одному, встреча с Франсуазой невозможна, остальные «невесты» начинали через короткое время раздражать его до зубовного скрежета. Игорь был готов их убить и порой рвал отношения очень жестко. Бедные возлюбленные плакали, бесконечно задавая вопрос:

– Что я тебе сделала?

– Ничего, – хмуро отвечал Игорь, – все в порядке, ты хорошая, это я плохой, урод и дебил, давай расстанемся без эксцессов!

Неизвестно, как бы развивалась жизнь Игоря дальше, но несколько месяцев тому назад случайная встреча совершенно перевернула его жизнь. Один из знакомых пригласил Игоря на свой юбилей, идти не хотелось страшно, но Самойлову пришлось сделать над собой усилие и отправиться на торжество. Знакомый работал корреспондентом в одной из влиятельных столичных газет, и Игорю, имевшему свой маленький, но вполне процветающий хлебопекарный бизнес, не хотелось портить отношения с обидчивым мужиком. Журналиста, злопамятный тип, мог запросто устроить не почтивше-

му своим присутствием вечеринку приятелю антирекламу. Напишет в паре статей, что булки и батоны, которые выпускает фирма с поэтичным названием «Барвинок», сделаны из муки с канцерогенными добавками, – и каюк пекарне.

Первая, кого Игорь увидел, войдя в ресторан, была Франсуаза. Высокая длинноволосая блондинка в красном купальнике сидела в кресле, слегка раздвинув ноги. Игорь выронил букет, но уже через секунду сообразил, что на девушке очень открытое красное мини-платье. Верх его держится на тоненьких лямочках, а коротенькая юбочка задралась слишком высоко, выставив на всеобщее обозрение красивые круглые колени.

Забыв про именинника и неврученные цветы вкупе с подарком, Игорь словно зомби подошел к красавице вплотную и еле-еле сдержал рвущийся наружу крик. Незнакомка оказалась похожа на фотомоделю так, словно их делали под копиру: большие голубые глаза, пухлые губки и родинка на щеке.

Кое-как придя в себя, Игорь хриплым голосом сказал:
– Здравствуйте.

Девушка улыбнулась и кивнула.

– Меня зовут Игорь, – продолжил он.

Красавица снова качнула длинноволосой головой.

– Тут много народу, – решил во что бы то ни стало завязать разговор Игорь.

Кивок.

– Принести вам бокал шампанского? – не успокаивался Игорь.

Девушка улыбнулась.

– Так да или нет? – продолжал настаивать Самойлов. – И как вас зовут? Давайте познакомимся!

Изящная рука незнакомки скользнула в сумочку, пальцы вынули маленький блокнотик и крошечный карандашик. Красавица нацарапала на листочке несколько слов и подала его настырному кавалеру.

«Франсуаза. С удовольствием выпью шампанское».

У Игоря перед глазами запрыгали серые мухи, но он сумел отойти от не желавшей отчего-то разговаривать дамы и побрел к длинному столу, заставленному бутылками. По дороге на него налетел Виктор Ряжин и стал приставать с идиотскими вопросами. Игорь, страшно боясь, что ожившая мечта сейчас исчезнет, приподнялся на цыпочки, увидел, что Франсуаза по-прежнему спокойно сидит в кресле, и спросил у Ряжина:

– Кто эта девушка?

– Где? – завертел головой Виктор.

– Ну, такая красивая.

– Здесь полно симпатяшек, – заржал Ряжин, – вон, гляди, какие ножки.

Игорь схватил идиота Виктора за плечи, развернул и ткнул пальцем в кресло.

– Вот она.

– И ничего интересного, – с разочарованием протянул Ряжин, – личико простецкое, бюстик мелковат, да и ноги, того, не слишком.

Услыхав эти самые обычные для Ряжина слова, Игорь с огромным трудом подавил охватившую его злобу и процедил:

– Давай не будем сейчас говорить о классических канонах красоты. Ты знаешь девушку?

– Ее вроде Олег Писемский привел, – ответил Виктор и смылся.

Игорь мгновенно отыскал Олега и, не сказав тому даже «здрасьте», мигом спросил:

– Девушка в красном платье с тобой?

– Вон та?! – прищурился Писемский. – В принципе, хорошенькая.

– Почему «в принципе»? – насторожился Игорь. – Ты ее привел или нет?

– Экий ты любопытный, – ответил Олег.

Игорь почувствовал себя глубоко несчастным – мечта его жизни принадлежит фанфарону Писемскому.

– Вы давно живете вместе? – задал он откровенно бестактный вопрос. – И вообще, зачем тебе эта девушка?

Олег вздернул брови.

– Ну ты даешь! – воскликнул он.

– Пожалуйста, ответь, – насел на Писемского Игорь, – что вас связывает?

– Странный интерес. Какое тебе дело, с кем я пришел?

– Ей-богу, очень надо.

Писемский пожал плечами.

– Рад бы помочь, но не могу. Девушка ничего себе, но она немая. Я подошел к ней, начал разговор, а она блокнотик вытащила. Небось по губам читать умеет, слова понимает по артикуляции.

– Значит, она не с тобой, – констатировал Игорь.

Писемский округлил глаза.

– Я женат, между прочим!

Игорь махнул рукой и отошел от Олега.

Надеюсь, вы понимаете, что Игорь сделал все, дабы заинтересовать собой Франсуазу, и очень скоро у них разгорелся роман. Немая девушка оказалась той, кого Игорь ждал всю свою жизнь. Мало того, что внешне она была невероятно похожа на фотографию, так еще и характер имела точь-в-точь такой, каким его придумал Самойлов: тихий, неконфликтный, мягкий. Большую часть дня Франсуаза улыбалась, за несколько месяцев совместной жизни Игорь ни разу с ней не повздорил. Во-первых, с немой девушкой особо не поругаешься, а во-вторых, повода для раздоров не существовало. Франсуаза являла собой настоящий клад, она хорошо готовила и ловко навела порядок в холостяцкой берлоге Самойлова. Не очень уютная квартира пекаря разительно переменялась, вместо жалюзи на окнах появились гардины, кухня украсилась яркими вещичками, в ванной висела занавеска с

изображением кошек и стояли такие же по дизайну стаканчики с мыльницей. Франсуаза не просила у Игоря денег, она работала художником в крупном рекламном агентстве и отлично получала, ее ежемесячный доход был, пожалуй, даже больше, чем у Игоря. Вернее, Самойлов имел неплохую прибыль, но почти каждый заработанный рубль он вкладывал в дело, а Франсуаза спокойно тратила зарплату на себя, кстати, она с большой охотой приобретала любовнику подарки, в основном предметы одежды: рубашки, свитера. Под влиянием любимой Игорь начал сильно меняться. Франсуаза заставила его сменить кургузую дубленку на солидное кашемировое пальто, она же посоветовала приходить на деловые встречи не в джинсах и пуловере, а в дорогих костюмах, безупречных рубашках и галстуках, которые придерживал золотой зажим. И очень скоро Игорь понял: любимая-то права, человека встречают по одежке.

Безоблачное счастье обещало стать постоянным. Игорь начал учить язык жестов, чтобы общаться с любимой без блокнота, дело продвигалось туго, но в конце октября Самойлов уже мог «сказать» простую фразу. Его не слишком ловко «произнесенные» слова сместили Франсуазу до слез, но ведь они понимали друг друга, а это было главным.

Первого ноября Франсуаза предложила Игорю провести уик-энд в пансионате. Рекламное агентство, в котором трудилась девушка, сделало для этого дома отдыха какую-то работу, в благодарность за отлично проведенную акцию хозя-

ин пансионата предложил всем желающим рекламщикам отдохнуть у него за треть цены. Игорь охотно согласился, и они с Франсуазой отправились в местечко под названием «Черемуха».

Честно говоря, дом отдыха не впечатлил Игоря. Совершенно обычное, словно перенесенное из прошлых советских лет заведение с кондовой мебелью, дешевой сантехникой и не слишком навязчивым сервисом. Бассейн отсутствовал, правда, имелась баня. Дискотека выглядела более чем жалко, а большинство отдыхающих – люди, так сказать, «за тридцать», являлись работниками некоего предприятия, проводившего в «Черемухе» день рождения своей конторы. Из рекламного агентства была одна Франсуаза, остальные, наверное, зная, что собой представляет пансионат, сочли за благо остаться дома.

Чтобы не расстраивать и без того приунывшую Франсуазу, Игорь радостно воскликнул:

– Вот и хорошо. Никто к нам с болтовней привязываться не станет, поужинаем, погуляем и на боковую.

Франсуаза заулыбалась, и вечер у пары прошел просто волшебным. Сначала любовники, хихикая, съели невероятный ужин, напомнивший Игорю пионерское детство: котлета с макаронами, компот и булочка с повидлом, потом погуляли, подышали чудесным свежим воздухом, сходили в баню. А в номере Франсуаза вытащила из сумки бутылку великолепного коньяка, кусок дорогого сыра, нарезку, лимон.

– Какая ты умница! – восхитился Игорь. – Ну, давай за нас!

Он поднял стакан, самый простой, принесенный им из ванной, чокнулся с подругой, отпил темно-коричневую жидкость, почувствовал легкое головокружение и пробормотал.

– Что-то я устал, сидеть сил нет!

Франсуаза показала на разобранную постель. Еле-еле передвигая ногами, Игорь добрался до кровати и вновь ощутил приступ дурноты. Любимая вложила в его руку стакан. Самойлов машинально допил коньяк и упал на подушку. Потолок, бешено вращаясь, начал опускаться, глаза Игоря закрылись. Последнее, что он запомнил, это широкая улыбка Франсуазы, – девушка заботливо прикрывала любимого пледом.

Разбудил Игоря резкий стук в дверь. Самойлов сел и первые секунды не мог понять, где находится, глаза пробежались по комнате: трехстворчатый гардероб, комод, на окне узкие ярко-оранжевые занавески. В ту же минуту пришло понимание: он в пансионате. Надо же так вымотаться за прошедшую неделю, упал вчера камнем и заснул. Ну ничего, впереди еще почти целая суббота и воскресенье. Но где Франсуаза? Отчего Игорь лежит один?

В дверь снова заколотили, потом из коридора слышались громкие голоса.

– Ломай, Петя.

– Может, ему плохо!

– Да не, нажрался до усрачки.

Игорь не успел сообразить, что случилось, как хлипкая дверь затряслась и распахнулась. В номер ворвались две взъерошенные бабы, блондинка с брюнеткой, и мужик, распространяющий сильный запах перегара.

– Живой! – воскликнула одна из теток, увидав Игоря.

– Говорил же, бухал он, – прогундел мужчина.

– Что вы творите, товарищ, – возмутилась другая баба, – нам номер убирать пора, уже четырнадцать часов.

– С ума сошли! – возмутился Игорь. – Врываетесь внаглую.

– Так мы стучали, а вы не слышите, – слегка сбавила тон блондинка.

– Койко-место пора освобождать, – не сдавалась брюнетка, – у вас лишь до полудня оплачено! Временем перепользовался, алкоголик хренов!

Самойлов окончательно рассердился.

– Мы купили путевку на двое суток, – рявкнул он, – до утра понедельника, заехали в пятницу, доплатили за лишнюю ночь, что еще надо?

Блондинка хихикнула, брюнетка укоризненно закивала головой.

– Во мужики! И что только с вами бутылка делает! Пить меньше надо! Сегодня понедельник, два часа дня, давно твой срок пребывания в «Черемухе» истек. Собирайся живо и сматывайся.

– Да скажи спасибо, что доплату не требуем, – вступила в разговор блондинка, – десять минут тебе, ханурику, на сборы. Только не вздумай трендеть, милицию позовем.

– Как понедельник? – оторопел Игорь. – Я вчера заснул, в пятницу!

Бабы горестно вздохнули, а мужик воскликнул:

– Ну и назюзюкался ты!

– Я совсем не пью, – протянул Игорь, – так, чуть-чуть под хорошую закуску.

– Хватит бухтеть, – оборвала его брюнетка, – не веришь нам, спускайся на рецепшен и посмотри, какое число на стойке выставлено.

Блондинка же, не тратя лишних слов, ткнула пальцем в пульт телевизора. Вмиг экран озарился голубым светом, появилось женское лицо и послышался сочно окрашенный голос:

– Таковы последние события этого понедельника, нашу программу продолжит пятнадцатая серия...

– Офигеть, – прошептал Игорь, – ничего не понимаю. Франсуаза, ты где?

Глава 3

С огромным трудом пережив известие о летаргическом сне, поразившим его по невесть какой причине, Игорь узнал следующую новость: Франсуаза уехала. Поведение любимой озадачивало. Отчего она не испугалась, поняв, что кавалер спит вторые сутки не просыпаясь, почему не забила тревогу, не вызвала «Скорую помощь», не кинулась за врачами? Любая другая женщина, оказавшись в подобной ситуации, по меньшей мере бы удивилась, но Франсуаза предпочла испариться очень тихо, прихватив свою сумку.

В состоянии, близком к шоковому, Игорь вернулся домой, где его ждал новый сюрприз. Все вещи, принадлежавшие Франсуазе, исчезли, не было ничего, напоминавшего о том, что в квартире в течение нескольких месяцев жила девушка. С окон пропали занавески, из кухни улетучились милые вещички, из гардероба – шмотки, из ванной – косметика... Состояние Игоря было трудно описать словами. Сначала Самойлов пометался по комнатам, потом призадумался. Тут только до него дошло, что он ничегошеньки не знает о Франсуазе. Девушка ухитрилась не сообщить о себе никаких сведений, Игорь даже не знал, имеет ли она родителей, и лишь сейчас он сообразил: Франсуаза очень молода, неужели отец с матерью не беспокоились, с кем их дитя проводит время, отчего разрешили дочери жить с мужчиной без всякой

регистрации отношений и ни разу не попытались связаться с ним? Да и сама Франсуаза никогда не ездила к родственникам. Было чему удивляться! Игорь не знал ни домашнего адреса, ни телефона родичей любимой, он также не мог назвать их имен, Самойлов даже не знал, в каком рекламном агентстве работала Франсуаза. Любимая умудрилась ни разу не сообщить адрес и название конторы.

Промаявшись до утра вторника и поняв, что девушка не собирается возвращаться, Игорь решил начать поиски Франсуазы. В голове у него вдруг появилось страшное предположение: что, если в субботу утром Франсуаза, решив не будить его, пошла завтракать, а затем отправилась прогуляться в лес? Там на нее напали, изнасиловали, бросили, глухонемую девушку подобрали добрые люди, отправили в больницу...

Игорь схватился за справочник и принялся методично обзванивать клиники. Через два часа ему стало ясно – больниц слишком много, одному с работой и за неделю не справиться. И потом, он звонит в московские госпитали, а пансионат-то находится в области, следовательно, Франсуазу могли отвезти куда угодно: в Истру, Дедовск, Красногорск...

Ощувив очередной приступ отчаяния, Самойлов пошел в кухню, отчего-то он испытал страшный приступ голода. Игорь открыл холодильник, вынул йогурт, уронил его, чертыхнулся, полез за тряпкой и вдруг замер. Боже, ну и глупости он делает! Если Франсуазу изнасиловали и она сейчас

лежит в больнице, то кто же тогда собрал ее вещи в пансионате и вынес все из квартиры? Нет, любимая жива и здорова, осталось выяснить, зачем она все это проделала.

Игорь молча смотрел на растекающуюся по плитке белую лужицу. Неожиданно он додумался до совсем уж невероятной вещи. С какой стати его, крепкого мужчину, «унесло» от нескольких глотков коньяка?

Самойлов напрягся и восстановил в памяти картину вечера пятницы. Вот Франсуаза достает из сумки бутылку, Игорь открывает ее, наливает себе больше, девушке меньше, чокается с ней и выпивает благоуханный напиток. А девушка... она просто ставит стакан на стол.

Самойлов упал на стул. Вот оно что! В бутылке было сильнейшее снотворное или какой-то другой препарат с «вышибающим» эффектом. Зачем Франсуаза проделала с ним такое? Отчего пригласила в пансионат? Кто она? Где живет? Работает? В рекламном агентстве? Господи, как оно называется?!

У Игоря вновь закружилась голова, пошатываясь, он дошел до спальни и лег на кровать. Снова захотелось спать, слишком велик оказался перенесенный стресс, и измученный нервными переживаниями организм включил один из механизмов защиты. Игорь начал погружаться в дремоту.

Тяжелые веки торопились сомкнуться, Игорь повернулся на правый бок, на секунду скользнул взглядом по стене и мгновенно растерял весь сон. На обоях он увидел гвоздь.

Пустой. Фотография с изображением девушки в красном купальнике, лист из календаря за май месяц, мирно висевший тут на протяжении многих лет, испарился.

Закончив рассказ, Игорь посмотрел на Нору.

– Найдите Франсуазу, я заплачу любую сумму, отстегну столько, сколько надо.

– Зачем она вам? – неожиданно заинтересовалась Элеонора. – Похоже, девушка попросту решила сбежать.

– Нет, – резко ответил Игорь, – ее похитили.

– Маловероятно, – попыталась вразумить его Нора, – сами же рассказывали: она собрала шмотки.

– Это могли сделать другие люди, – нахмурился Самойлов, – отняли у Франсуазы ключи. Я потом сообразил, вещи вполне способен унести любой человек.

– Да зачем? – спросил я. – С какой стати ее похищать? Она богата?

– Нет, впрочем, не знаю. Когда мы жили вместе, она производила впечатление хорошо зарабатывающего человека, но это не богатство, – протянул Игорь.

– Может, ее родители олигархи? – не успокаивался я.

– Не знаю.

– Или вам решили насолить конкуренты, – выдвигал я новые версии.

– Нет.

– Вы уверены?

Игорь хмыкнул.

– Мой бизнес стабильный, но маленький. Я имею пекарню в спальном районе столицы и пару «тонаров». Покупатели в основном жители близлежащих домов, я принимаю заказы, ну, допустим, на пирожки, булочки. Хотите отметить день рождения и просите: «Мне двадцать плюшек с яблоками». Есть еще несколько фирм, куда я поставляю выпечку для столовых. Дело идет неплохо, сейчас купил еще вагончик, увеличил объем производства и продаж. В планах создание второй пекарни, но это не раньше чем через год. Поймите, мой бизнес никому не составляет конкуренции, это не водка, не природные богатства, даже не продукты, всего лишь скромные батоны и булки. На жизнь хватает, покупатели довольны, так и существуем. Игорю Самойлову никогда не монополизировать всю торговлю хлебобулочными изделиями в столице, да я и не стремлюсь к этому, мои планы скромны, хочу тихого семейного счастья: любимую жену, троих детей, небольшой домик в Подмосковье, лето в Турции, машину-иномарку и все. Главное, чтобы семья была сыта, обута, одета. Я ни для кого не представляю опасности, не занял чужую нишу, не выжил из бизнеса другого хозяина. Да в нашем районе можно еще кучу «тонаров» поставить, и народ будет хлеб брать. Нет, исчезновение Франсуазы никак не связано с моим делом.

– Тогда куда же она подевалась? – воскликнул я.

– Именно это я и хочу узнать, – мрачно ответил Самойлов. – Беретесь?

– Нет, – быстро ответил я.

– Да, – мгновенно перебила меня Нора. – Иван Павлович, ну-ка запиши все ответы Игоря на вопросы, которые я сейчас стану ему задавать. Фамилию Франсуазы знаете?

– Да. Белявская.

– Хорошо. Номер мобильного?

Игорь изумленно глянул на Нору.

– Зачем он глухонемой девушке?

– Всякое бывает, – не сдалась Нора, – значит, его у нее нет?

– Нет.

– Ладно. Вы познакомились на тусовке?

– Да.

– Франсуаза пришла с неким...

– Олегом Писемским. Вроде так, хотя Олег и сказал, что она не с ним, но думаю, он тогда соврал из-за жены, небось хотел Франсуазу окрутить.

– Отлично! Давайте координаты Писемского, – воскликнула Нора.

Когда за клиентом захлопнулась дверь, Нора воскликнула:

– Ваня, ты похож на фигуру скорби! Что за кислый вид?

– Думаю, не следует братья за безнадежное дело, – осторожно ответил я.

– Ерунда, оно ясно, как слеза младенца, – отмахнулась

Элеонора, – эта Франсуаза, бывают же люди, которые дают своим детям идиотские имена, просто удрапала от кавалера.

– Но почему?

– Господи, ты не понял, что он противный?

– Нет, вполне нормальный человек, похоже, очень аккуратный.

– Зануда! Небось извел бедняжку поучениями, вот она и убежала к родителям.

– Но...

– Не спорь!

– Однако...

– Ступай, звони Писемскому.

– Сейчас почти десять вечера.

– И что?

– Поздно уже.

– Вот! И ты зануда, – констатировала Нора, – действуй, а я пока кофейку выпью. Давай, давай, не жвачься!

Я только вздохнул. Нора подчас бывает невыносима, и потом, мне категорически не нравится изобретенный ею лично глагол «жвачиться». Но, сами знаете, я – наемный работник и не имею никакого права спорить с хозяйкой.

Слава богу, в доме у Писемского не спали, на звонок ответили мгновенно.

– Алло, – сказал тихий женский голос.

– Простите, если помешал, – завел я.

– Ничего, я телевизор смотрю, – прозвучало в ответ.

– Будьте любезны, позовите Олега.

– Кого?

– Олега Писемского.

В трубке воцарилось тяжелое молчание.

– Наверное, я не туда попал, – констатировал я, – еще раз приношу вам свои извинения.

– Зачем вам Олег? – прозвучал внезапный вопрос.

– Так это его квартира?

– Ну... да.

– Ваш телефон мне дал Игорь Самойлов, знаете такого?

– Нет.

Я растерялся.

– Ну как же, Игорь Самойлов, пекарь.

– А-а-а, – ответила женщина, – булочник!

– Вы, наверное, жена Олега.

– Да. Нина.

– Если вас не затруднит, позовите мужа, у меня к нему дело есть.

– Мой супруг умер, – ледяным голосом ответила Нина.

– Господи! Простите.

– Ничего. Вы же не знали.

– Нет, конечно, но и Игорь нас не предупредил.

– Самойлов общался с нами очень редко, – пояснила Нина, – раз в году. У нас имеется общий приятель Виктор Ряжин, вот на его дне рождения мы и виделись. Вполне веро-

ятно, что Самойлов ничего не знает о несчастье.

– Что же случилось с Олегом? Он болел?

– Нет, под машину попал.

– Давно?

– В начале августа.

– Простите еще раз.

– Я не сержусь.

– Можно задать вам вопрос?

– Пожалуйста.

– Среди ваших знакомых нет глухонемой девушки?

– Нет и никогда не было.

– Может, слышали про девушку по имени Франсуаза? – цеплялся я за последнюю надежду.

– Нет, – не выразила никакого любопытства женщина, она даже не поинтересовалась, отчего я задаю ей идиотские вопросы.

– Ни от кого?

– У меня не такой уж большой круг общения, – тихо ответила Нина, – более ничего добавить не могу.

– Спасибо, – пробормотал я и повесил трубку.

Узнав детали разговора, Нора щелкнула языком и мгновенно позвонила Игорю. Ткнув пальцем в кнопку, она включила динамик, и по комнате разлетелся голос Самойлова:

– Уже нашли?

Я вздохнул – глупость и наивность некоторых людей по-

просту поражают.

– Вы видели паспорт девушки? – рывкнула Нора.

– Франсуазы? Нет.

– По идее, она могла назвать вам любое имя, сказать, что ее зовут Анна-Мария-Сюзанна Ротшильд.

– Да, но зачем?

– Фамилию знаете?

– Белявская.

– Откуда такая уверенность?

Игорь завздохал.

– Ну... Франсуаза сообщила. Мы когда о браке заговорили, она сказала: «Мне фамилия Белявская меньше нравится, чем Самойлова, я твою возьму».

– Обалдеть можно, – заорала Нора, – умереть не встать! Как, по-вашему, отыскать девицу, о которой вообще ничего не известно? Вы точно уверены, что ее привел Олег?

– Думаю, да, а может, и нет, – растерянно протянул Игорь, – спросите у него сами, хотя он небось не признается из-за жены, но, если его потрясти...

– Писемский погиб.

– Как? – закричал Игорь. – Когда?

– Еще в августе, под машину попал.

– Ужасно, – прошептал Самойлов, – такое несчастье, я не знал, мы редко встречались.

– Каким же образом вы договаривались с Франсуазой о свидании? – наседала Нора. – Мобильного нет, домашнего

адреса вы не знали, на службу к ней не приходили.

– Так она после работы домой ко мне ехала!

– Вы же не сразу стали жить вместе.

– Нет. Просто договор был – каждый вечер я подъезжаю в кафе «Тюльпанчик» и жду там Франсуазу, ровно в семь, или она меня поджидает. Если в полвосьмого кто-то из нас не приходит, то второй спокойно отправляется по своим делам, значит, свиданию помешали дела, увидимся завтра.

– Понятно, – процедила Нора.

– Но мы очень быстро поняли, что созданы друг для друга, и стали жить вместе.

– Ладно, – протянула Нора, – давайте адрес «Тюльпанчика».

Глава 4

Утром мне позвонил Славка и рыдающим голосом поинтересовался:

- Ты поговорил с Верой?
- Извини, не успел.
- Как же так!
- Закрутился по работе!
- Я себе места не нахожу, можешь сейчас поехать?
- Но, наверное, Вера на работе или в аудитории, ты же вроде ее учиться отправил!
- Дома она, – грустно сообщил Слава.
- Откуда знаешь?
- Позвонил ей, она трубку сняла.
- И что ты сказал?
- Ничего, послушал голос и отсоединился.
- Что за дурацкое поведение влюбленного подростка? – воскликнул я.
- Ты, Ваня, не поучай меня, а помоги, – загудел Минаев, – если не хочешь, так и скажи.
- Ладно, – сдался я, – сейчас позвоню.

Голос может многое сказать о женщине, но еще больше вам объяснит ее лексика и фонетика.

- Алле, – крикнула Вера. – Ну? Че молчите? За фигом в

трубку сопеть? Который раз трезвоните! Думаете, вас найти сложно?

– Доброе утро, – приветливо сказал я, – сделайте одолжение, позовите Веру.

– Ну я это, – сбавила пыл девушка.

– Иван Павлович Подушкин беспокоит, приятель Славы Минаева.

– А-а-а, – радостно воскликнула Вера, – приветик, Ваня, как делишки?

– В общем и целом нормально, – ответил я, – а у вас?

– Шоколадно, – возвестила девушка.

– Скажите, Верочка...

– Ты зовешь меня на «вы»?

– Э... простите, то есть прости, – быстро поправился я.

Ну ничего не могу с собой поделатъ, если человек мне активно не нравится, даже после двадцати лет знакомства буду ему «выкать», с остальными довольно легко перехожу на «ты», но с теми, к кому испытываю некоторую, иногда совершенно не объяснимую для себя неприязнь, буду держаться официально. Если же собеседник с обидой воскликнет: «Ваня! С какой стати ты разводишь церемонии», – я, сделав над собой усилие, попытаюсь стать фамилярным, но на протяжении всего общения придется постоянно напоминать себе: «Иван Павлович, ты „дружишь“ с собеседником».

– Скажи, Верочка, – попытался я навести контакт с девицей, – не могли бы мы встретиться?

– Стопудово, – сообщила собеседница, – вообще без проблем.

– Когда и где?

– Хочешь, приезжай ко мне.

– Спасибо за приглашение, но думается, нам лучше поговорить наедине, без лишних заинтересованных свидетелей. Давайте, э... давай в кафе? Выбирай любое, по вкусу.

– Вот уж где потрепаться «спокойно» можно, так это в обжорке, – захихикала Вера, – кругом народу полно, музыка орет. Лучше дома.

Я вздохнул. Согласен, в ресторане подчас бывает шумновато, но, как это ни абсурдно, в толпе человек наиболее одинок, десятки людей за соседними столиками заняты собой, на вас, если, конечно, вы не являетесь звездой телеэкрана или шоу-бизнеса, никто внимания не обратит, а дома найдутся бабушка-дедушка, вроде глуховатые старички, но у них отчего-то резко обостряются все системы общения с внешним миром, если к внукам приходят гости. В квартире практически негде спрятаться от любящих, наблюдательных глаз, от людей, которые желают вам добра, от милых, горящих желанием помочь детям родителей.

– Сейчас можешь приехать? – продолжала Вера. – Тетка на работе, я одна сижу.

– Лучше в центре.

– Вот еще! Попрусь я туда невесть зачем, тебе надо, ты и кати, – хихикнула девушка.

Признав справедливость последнего аргумента, я сказал:
– Хорошо, записываю адрес.

Вера жила в стандартном доме, в самой обычной квартире, обставленной простецкой мебелью, вернее, тем самым набором из всех возможных, предлагаемых за мизерные деньги, который в магазинах называют «шикарным». Комнату, служившую тут спальней, гостиной, библиотекой и бу-дуаром, украшала чудовищная «стенка», сделанная из сильно полированных прессованных обрезков упаковочной тары. По периметру дверей шли «золотые» накладки, а середина их была украшена вензелями. Впрочем, один из моих приятелей, неприлично богатый Сергей Приходько, имеет в своем загородном доме точь-в-точь такой же вариант. И то, что у Приходько гардеробы выполнены из цельного массива дерева, а накладки и впрямь являются золотыми, не спасает положения, мебель в его палатах выглядит столь же омерзительно.

– Ну, чего скажешь? – кокетливо прищурилась Вера и шлепнулась на ярко-зеленый велюровый диван.

Я сел напротив в кресло и завел беседу.

– Вы разошлись со Славой?

– Ага, – кивнула Вера, – теперь я снова свободная девушка.

– Если не секрет, кто решил порвать отношения?

– Я, – хихикнула Вера, – собрала шмотки и адью!

– А почему?

Девушка закатила сильно накрашенные глазки.

– Какая разница! Ушла, и точка.

– Понимаешь, Верочка, Слава очень страдает.

– Ну.

– Он любит тебя.

– Ну и что?

– Хочет, чтобы вы снова были вместе.

– Ну?!

– Я искренне пытаюсь понять, чем он обидел тебя.

– Ну...

– На мой взгляд, Слава идеальный партнер. Не пьет, не курит, по бабам не бегает.

– Ну?!

– Зарабатывает деньги, заботится о тебе, так что случилось?

– Ну...

– Перестань «нукать», – еле сдерживая гнев, сказал я, – объясни по-человечески.

– За фигом? – зевнула Вера. – Все равно вместе нам не жить, я не люблю ругаться, лучше по-тихому разлететься, без воплей.

– Можно спокойно прояснить ситуацию.

– И кому это надо?

– Славе, он хочет понять причину разрыва.

– Какая разница! Главное-то понятно, вместе нам не жить.

– Слава ждет твоего возвращения, – сурово вымолвил я, – он готов все простить и...

– Чего? – подскочила Вера. – Ну ваще я офигеваю! Готов все простить! Это я его прощать должна.

– Так какой проступок совершил Слава?

Вера втянула ноги на диван.

– Зануда он, твой дружок, ну сил нет терпеть, как заведется, не остановишь. Сидим, допустим, в кафе, я прошу: «Дайте мне „Наполеон“», – а Славка начинает бухтеть: «Вера, лучше сухое пирожное, без крема. Масляная пропитка вредна для печени, к тому же она содержит огромное количество холестерина. Еще сейчас лето, жара, легко получить отравление, в июле следует исключить из рациона подобные лакомства». Потом повернется к официантке и велит: «Принесите моей спутнице фруктовый салат и не поливайте его жирным кремом». Но я-то хотела торт! Какая ему разница, что другой человек ест?

– Видишь ли, Верочка, – решил я осторожно объяснить глупой капризнице ее ошибку, – «Наполеон» и впрямь наносит удар по печени...

– Знаешь, Ваня, – неожиданно заявила девица, – это у старпера Славки печень есть, а у меня она пока не отросла, и о холестерине я заботиться не собираюсь. Еще он меня лекциями задолбал. Идем по городу спокойно, воздухом дышим, вдруг, бац, встанет и занудит: «Смотри, Верочка, этот дом построили при жизни Грибоедова. Писатель был...» И

ну лекцию читать часа на два, ополоуметь можно, и, главное, пока все не скажет, не остановится. Еще он обожает раздавать кретинские указания, страсть: «Вера, проверь, выключила ли ты перед уходом газ?» А то я дура. Или: «Верушка, мы домой пришли, сними ботинки». Я чего, по ковру в сапогах шляюсь? Довел до икоты. И постоянно придирался: говорю не так, по телику не те киношки смотрю, музыку плохую слушаю. Прямо иззудился весь. Все какие-то тома мне приносил и велел: «Читай, развивайся». А там нудятина мелкими буквами и без картинок!

Выпалив тираду, Вера сердито зашмыгала носом. Я решил воспользоваться моментом и ласково сказал:

– Верочка, ангел мой, ты просто не разобралась в сути дела. Слава преподаватель, для него естественно учить людей, он воспитатель и поэтому занимался с тобой.

– Зачем? – хмуро спросила девушка.

– Ну... Хотел сделать тебе лучше.

– Зачем? – повторила Вера.

Я слегка растерялся.

– Каждый человек должен развиваться, образовываться. Ты очень молода, вот Слава и взялся помочь тебе стать гармоничной личностью.

– Спасибо, не надо, без гармошки проживу, – скривилась Вера, – чего он тогда со мной жил, если я такая дура?

– Ты в целом устраиваешь Славу, – попытался я вразумить строптивую красавицу, – но кое-какие мелочи требуют кор-

ректировки, люди в процессе совместной жизни притираются друг к другу.

– Нудный он, – вздохнула Вера, – не пьет, не курит, даже поревновать нельзя. И потом, скажи, у меня чего, ноги кривые? Ну-ка глянь?

С этими словами девчонка вскочила и завертелась передо мной. Я кашлянул.

– Замечательные ножки, очень стройные.

– Вот! – торжествующе воскликнула Вера. – Теперь выше посмотри: талия толстая? Да я как рюмочка!

– Верно, – подтвердил я, – фигура у тебя великолепная.

– Ага! – азартно воскликнула Вера. – Ты еще всего не знаешь!

Не успел я ахнуть, как девчонка ужом выскользнула из одежды и предстала передо мной совершенно обнаженной. От неожиданности я, вместо того чтобы опустить взгляд, начал ощупывать девушку глазами. Следовало признать, сложена она просто превосходно, можно понять, отчего Славка так хочет вернуть себе нимфетку. Если бы Вера не обладала глуповатым личиком и характером базарной бабенки, ее бы ждала карьера на подиуме или в кино. Щедрый господь, на чисто лишив Верочку всякого ума, решил наградить ее удивительной красотой форм.

– Ну как? – мяукающим голосом осведомилась Вера.

– Ты красавица, – сказал я абсолютную правду.

Вера вновь нацепила на себя крохотное платьице, но,

странное дело, одетая, она показалась мне еще более обнаженной.

– Сама знаю, что сладкая конфетка, – прошептала, подходя ко мне, Вера, – и ведь я жила со Славкой, не изменяла, на сторону не смотрела, надеялась – он замуж позовет, обеспечит, а нет! Лишь зудел и поучал, запрещал короткие юбки носить, постоянно твердил: «Вера, оденься прилично, не сверкай коленками». А когда мне мини носить? В девяносто лет не захочется. И ваще! Ну скажи, Ваня, как я тебе?

С этими словами негодница подскочила и села мне на колени. Мои руки сами собой обняли тонкую талию, пышная, высокая грудь Веры нервно поднялась, ее жаркое тело прильнуло ко мне, нежные губы приоткрылись.

Лишь временным помрачением рассудка Ивана Павловича можно объяснить то, что случилось дальше. Сначала мы целовались в кресле, потом Вера, на ходу сдирая с себя одежду, сбегала на кухню, принесла бутылку дешевого вина, мигом расстелила диван, легла на ложе и, протянув мне бокал, проворковала:

– Выпей, милый!

Уж не знаю по какой причине, скорее всего, и на самом деле лишившись ума, я опрокинул в себя отвратительное пойло. Впрочем, кое-кто из мужчин меня поймет, Вера на самом деле была ослепительно, чертовски хороша, а я нормальный, относительно молодой человек со здоровыми потребностями.

Дальше не помню ничего, мозг окутал полный туман.

Звон будильника стрелой вонзился в ухо, я машинально поднял левую руку, попытался привычно нащарить тумбочку со стоящими на ней часами и ощутил пустоту. От удивления глаза раскрылись, я сел и чуть не заорал. Нахожусь в абсолютно незнакомом месте, на диване с не слишком свежим постельным бельем, моя одежда в полнейшем беспорядке валяется на ковре. Господи, где я? У Лизы Рокотовой? Бог мой, конечно, нет, с Елизаветой мы благополучно расстались пару месяцев назад, продолжать далее отношения показалось абсолютно бессмысленным. Лиза не собиралась разводиться со своим мужем, в мои планы не входила женитьба на женщине, приученной к шикарной жизни. Мы просто мило провели вместе время и разошлись друзьями. Иногда встречаясь с ней случайно у кого-нибудь в гостях, я только удивляюсь – неужели я испытывал некие чувства к этой маленькой, вертлявой дамочке?

– Проснулся, милый? – прозвенел веселый голосок.

Я повернул голову вправо, увидел обнаженную Веру и мгновенно покрылся липким потом. Ну и ну, хорош же ты гусь, Иван Павлович! Пришел уговаривать девицу вернуться к Славке, и что вышло? Здорово помог другу, нечего сказать! С какого, простите, ляду мне показалась небесно-прекрасной эта девочка? Нет, она вполне миленькая, но совсем не в моем вкусе.

– Чего ты на меня так смотришь, – уперла руки в бок Вера, – еще хочешь?

– Нет, – в полном ужасе воскликнул я, но, в тот же момент сообразив, что подобный ответ может звучать оскорбительно для девушки, быстро добавил: – Большое спасибо, пока не надо.

Вера фыркнула.

– Ты так говоришь, словно я тебе тарелку с борщом предлагаю.

Я окончательно растерялся. Надо встать, быстро одеться и уйти. Но для этого следует пройти пару метров голым, а мне совершенно не хотелось представлять обнаженным перед Верой. Положение казалось ужасным, молчание тягостным, спустя пару томительных мгновений Вера кокетливо прикрыла грудь рукой.

– Ой, не пялся! Больше ничего не получится, скоро тетка припрется, тебе пора уходить.

Забыв про стыдливость, я вскочил с продавленного ложа и бросился к пуловеру и брюкам. Одеваться под оценивающим взглядом девушки оказалось непросто, в результате, запутавшись в брючинах, я чуть не упал, но сумел удержаться на ногах, уцепившись рукой за стол.

– Ты не алкоголик случайно? – деловито поинтересовалась Вера.

Я сунул голову в прорезь пуловера.

– Отчего вам... э... тебе пришел в голову сей вопрос?

– Выпил чуток сладенького и уплыл, теперь шатаешься, – пояснила девушка.

– Видишь ли, – нервно объяснил я, – мой организм плохо реагирует на крепленые вина, я в самом деле мгновенно засыпаю от них, но через час хмель выветривается, и я снова на ногах. Об этой моей особенности знают все друзья и припасают для меня коньяк. Станным образом крепкие напитки совсем меня не берут, ну, если, конечно, принять разумную дозу, впрочем, я никогда не пью спиртное литрами.

– Зачем тогда у меня портвейн глотал? – распахнула круглые глаза Вера.

Я тяжело вздохнул – а почему вообще оказался в этой идиотской ситуации? Исключительно по моей глупости. Господин Подушкин временно лишился разума. Но не говорить же это девушке, только что выскользнувшей из моих объятий.

– Наверное, при виде твоей красоты у меня отшибло ум, – галантно сказал я и кинулся в прихожую за ботинками.

Вера пошла следом.

– Хорошо, что предупредил, – воскликнула она, – в следующий раз куплю коньяк.

Вся кровь бросилась к моим щекам. «В следующий раз!» Какой ужас! Никогда в жизни я более не приближусь к Вере ближе, чем на пушечный выстрел.

Руки вцепились в дверную ручку.

– Прощай, – процедил я.

– Эй, погоди, – остановила меня Вера, – когда встретим-

ся?

— Позвоню попозже, — малодушно пообещал я и ринулся вниз по ступенькам. Поверьте, никогда в жизни мне не было так гадко. И что сказать Славке?

Оказавшись в машине, я обрел способность мыслить и слегка успокоился. Вера больше не общается с Минаевым и, естественно, не расскажет тому о случившемся, я тоже не стану откровенничать с приятелем, просто сообщу: «Беседовал с Верой, но она, увы, не способна воспринимать мои разумные аргументы. Уверена в собственной правоте и исключительности, лучше забудь ее, ищи другую спутницу».

Моего телефона девица не знает, сам я, естественно, ей звонить не намерен, надо поскорей забыть неприятное происшествие и заняться делами. В конце концов, в жизни любого мужчины случаются такие зигзаги, о которых не хочется никогда более вспоминать. Надо же было свалить дурака! Выпить ужасный, дешевый портвейн! Иван Павлович, ты, похоже, стареешь, если при виде голой девчонки потерял рассудок.

Окончательно обозлившись на себя, я взялся за руль. Нет, дело не в моей безголовости, а в потрясении: я просто оторопел от неожиданности, когда Вера вдруг мгновенно предстала обнаженной, она все-таки обладает красивым телом.

Все, стоп! Ты дурак, милейший, впредь будь умнее, а сейчас хватит заниматься самоедством, ни к чему хорошему это не приведет, лучше вспомни о служебных обязанностях и

побыстрей кати в «Тюльпанчик». Иначе, не ровен час, Нора вспомнит о секретаре, позвонит и спросит: «Ну, как дела?» И что я ей тогда отвечу?

Глава 5

«Тюльпанчик» оказался крохотным заведением, рассчитанным на людей среднего достатка. Пять крохотных столиков теснилось по стенам, в середине высилась круглая барная стойка, за которой стояли три девушки в голубых курточках. Лацканы их униформы украшали бейджики – «Марина», «Олеся», «Анна».

– Увы, – сказала, увидев меня, Марина, – все места заняты.

– У стойки нельзя сесть? – удивился я.

– Конечно, можно, – улыбнулась Олеся, – сколько угодно, просто народ предпочитает сидеть у стены.

– Там интимней, – пояснила Марина.

– Я один.

– Может, к вам сейчас девушка придет, – хихикнула Олеся.

Марина сердито глянула на товарку.

– Ступай, отнеси людям счет. А вы, если желаете, оставайтесь за стойкой, сейчас столик освободится, тогда переместитесь. Что пить будете?

– Капучино, – заказал я.

Марина отошла к агрегату, варящему кофе, Олеся побежала к одному из клиентов с кожаной папочкой, а не проронившая ни слова Анна сосредоточенно начала выкладывать

из коробки на большое блюдо куски торта.

– Пожалуйста, – сказала Марина, ставя передо мной чашку с горкой белой, сильно взбитой пены.

Я отхлебнул напиток и, чтобы завязать разговор, решил похвалить барменшу.

– Великолепный кофе!

Марина улыбнулась.

– Тут несколько кофеен, так все к нам бегут, еле-еле успеваем поворачиваться, постоянных клиентов полно. Зайдут, вот так, как вы, по дороге, потом, глядишь, регулярно прибегать начинают.

– Вы, наверное, многих своих посетителей знаете?

Марина кивнула.

– Конечно, кое-кто со дня открытия заглядывает.

– А чего им к нам не ходить, – подхватила вернувшаяся Олеся, – цены держим ниже некуда. Кстати, все тортики в одном месте берут, просто другие нагличают, жуть сколько накидывают, а мы по копеечкам добавляем. И результат! У других пусто, у нас густо!

– Ваш хозяин проводит умную политику, – кивнул я, – медленное, но постоянное увеличение капитала лучше большой, но одноразовой прибыли.

Марина рассмеялась.

– Мы сами хозяйки.

– Ага, – кивнула Аня.

Я улыбнулся.

– Старая сказка на новый лад. Три девицы теперь не сидят под окном в ожидании судьбы.

Олеся покачала головой:

– Аня наемная служащая, дело принадлежит нам с Мариной, мы сейчас хотим вторую точку открыть и обучаем тех, кто нас за стойкой заменит. Дело трудное, вот сейчас Аня торт неправильно выставила!

Анна вздохнула и молча посмотрела на Олеся.

– Думай, когда работаешь, – довольно резко сказала та, – вот кусок лежит, примятый чуть.

– Вы же не разрешаете такой выбрасывать, – спокойно вымолвила Аня.

Олеся всплеснула руками.

– Верно, он денег стоит, аккуратно поправила и положила, только не стоит легкую некондицию на самое видное место выкладывать, задвинь в глубину и постоянному посетителю не предлагай!

В глазах Ани сверкнул нехороший огонек, но она, ничего не сказав, молча принялась перемещать неудачный ломоть.

– Столик освободился, – возвестила Марина.

– Садитесь скорей, – засуетилась Олеся.

– Мне около вас хорошо, – ответил я.

– Вашей спутнице не понравится, что у стойки устроились, – предостерегла Марина.

– Еще ревновать начнет, – хихикнула Олеся.

Я отодвинул от себя пустую чашку.

– Увы, я одинок, как перст!

– Ну ничего, – утешила Олеся, – даже в ваши годы можно найти пару. Только оглянитесь! Столько неприкаянных женщин.

Аня молча поставила блюдо в витрину и вытащила из холодильника другую коробку.

– Собственно говоря, я пришел к вам за помощью, – сказал я.

– Да? – хором удивились хозяйки. – За какой?

– У меня была любимая, – бодро завел я, – красивая молодая девушка, блондинка с голубыми глазами, но мы расстались, я сам виноват, обидел ее, и она ушла. По мобильному не отвечает, по домашнему тоже, похоже, к кому-то из подружек жить уехала, не хочет, чтобы я ее нашел.

– Здорово вы девчонке досадили, – покачала головой Марина.

– Да уж! Виноват, вот теперь хочу исправить свое прегрешение.

– А мы тут при чем? – воскликнула Олеся.

– Моя девушка часто приходит к вам, – быстро солгал я, – живет неподалеку. Мы, правда, вместе сюда не заглядывали, но я от нее название «Тюльпанчик» слышал, вот и приехал в надежде на встречу. Кстати, вы ее не видели? Вчера, например, или сегодня утром.

– Кого? – вытаращила глаза Олеся.

– Мою любимую, – потупился я.

Марина скептически улыбнулась.

– Наверное, встречали, коли она наша постоянная посетительница, только каким образом ее вычислить, мы же с ней не знакомы!

– Как она выглядит хоть? – влезла в разговор Олеся.

– Блондинка, волосы длинные, глаза голубые, стройная, хорошо одевается, молодая.

Олеся ткнула рукой в сторону забытых народом столиков.

– Да тут почти все такие.

– Имя скажите, – предложила Марина, – мы многих хорошо знаем.

– Франсуаза, – сообщил я.

Хозяйки переглянулись.

– Нет, мы с такой не встречались, – протянула Олеся.

– Может, заглядывает, да мы с ней не познакомились, – добавила более умная Марина, – боюсь, не сумеем вам помочь.

– Есть еще одна примета.

– Какая?

– Франсуаза глухонемая, звуков не слышит, но умеет читать по губам, поэтому обращенную к ней речь понимает, но сама ответить не способна, пишет фразу в блокнотике.

– Это та! – воскликнула Олеся. – Ну, помнишь, Марин, летом ходила! Я еще думала, она придуряется, невесть ко-го из себя корчит, внимание привлекает. К ней тогда парень прибегал, симпатичный. Ой!

Выпалив фразу, Олеся захлопнула рот, я вцепился в девушку, словно терьер в добычу.

– Значит, Франсуаза сюда наведывалась?

– Ага, – растерянно кивнула Олеся, – но мы ее имени не знали.

– Недолго она ходила, – пришла на помощь подруге Марина, – я бы на нее и внимания не обратила, совсем как все, ничем особенно не выделялась, но она глухонемая, поэтому я и запомнила.

– Приходила, – затарахтела Олеся, – садилась в самый дальний угол и всегда одно и то же заказывала: латте с кунжутной булочкой. Самая дешевая выпечка, десять рублей стоит. Я первое время думала: бедная она очень, а потом пригляделась к одежде, сережкам, сумочке и поняла – при деньгах, просто фигуру бережет. Вот парень ее, тот... Ой, простите... глупо получилось... может, она вам и не изменяла совсем, с братом встречалась или с другим каким родственником!

Я молча вынул кошелек, вытащил оттуда несколько ассигнаций и положил на стойку.

– Куда столько! – воскликнула Марина. – Тридцать пять рублей кофе стоит.

– Это за услугу, – тихо сказал я.

– Какую? – отшатнулась Марина. – Мы ничем тут таким не занимаемся!

– Не пугайтесь, вот еще визитка с номером моего мобиль-

ного. Если Франсуаза вдруг появится снова в кафе, звякните мне, мигом прилечу.

– Ладно, – кивнула Марина, – заметим, сообщим, а деньги заберите, ни к чему они.

– Я достаточно обеспечен и готов отдать все за сведения о Франсуазе.

– Уберите, – насупилась Марина, – мы вам ничем не помогли, это раз, во-вторых, никакого труда не составит номер набрать.

– Может, Франсуаза общалась с кем-нибудь из тех, кого вы знаете? – цеплялся я за последнюю надежду.

– Нет, – пропищала Олеся, – сидела тихо-тихо.

– А я уж и не припомню, – вздохнула Марина, – лето когда было! Сейчас ноябрь.

Почувствовав горькое разочарование, я вышел из кафе, достал сигареты, закурил и стал бездумно наблюдать за тем, как серый дым быстро поднимается к хмурому осеннему небу.

В кармане куртки завибрировал мобильный.

– Слушаю, – сказал я, открывая дверь машины.

– Вы хотели узнать адрес Франсуазы? – донесся до уха быстрый шепоток.

– Да, – ответил я и, не сумев скрыть удивления, поинтересовался: – Кто вы? Откуда знаете о моих делах? Где взяли номер?

– Езжайте вперед по улице, – скороговоркой велел голос, –

у светофора поверните налево, там есть пиццерия, поднимитесь на второй этаж и стойте около туалетов, я буду через четверть часа.

Крайне заинтригованный, я последовал в указанном направлении и занял нужную позицию. Когда стрелки подошли к цифре двенадцать, на лестнице показалась Аня, барменша из «Тюльпанчика».

– Пошли, – велела она, – сядем вон там в углу и побалакаем.

Я с трудом устроился на жестком, страшно неудобном пластиковом сиденье и с силой попытался пропихнуть под низкую столешницу ноги. Ну отчего бы заведению общественного питания не купить нормальную, не вычурную мебель? Если я захочу полюбоваться на последние дизайнерские заморочки, то не отправлюсь за этим в пиццерию, в харчевне хочется с удобством поесть, и все.

Аня в отличие от меня мгновенно села на помесь табурета с мыльницей и деловито поинтересовалась:

– Сколько?

– Вы о чем?

– Сколько вы готовы дать за информацию о Франсуазе?

– А она у вас есть? Адрес, телефон...

– Я знаю, где вы сможете без проблем раздобыть нужное, – хитро сообщила Аня, – дам наводку.

Я улыбнулся.

– Дружочек, меня интересует информация, а не путь к ней, я готов платить, но за конкретные сведения.

Аня кивнула:

– Понятно, давайте поступим так: я возьму сейчас сто баксов, расскажу основную часть и замолчу, если вы захотите услышать окончание повествования, доплатите еще столько же, идет?

– Можно попробовать, – осторожно согласился я.

В моем кошельке всегда находится довольно крупная сумма денег, выданная Норой на непредвиденные расходы, но отдавать доллары зря я совершенно не намерен.

– Я вообще-то художница, – вздохнула Аня, – только картины мои не продаются, вот и пришлось в кафе идти, противно, конечно, да и девки-хозяйки мерзкие.

– Вполне симпатичные особы, – пожал я плечами, – приветливые и милые.

– Это с клиентами, – скривилась Аня, – с подчиненными совсем другие, да не о них речь. Я почему устроилась в «Тюльпанчик»: живу в соседнем доме, ходить близко, рабочий день с трех часов, утром могу у мольберта постоять. Впрочем, вас мои проблемы не волнуют, о другом речь поведу.

Я вынул было сигареты, но потом сунул их назад в карман, Аня тем временем спокойно продолжала рассказ.

Поскольку девушка является живописцем, ее глаз невольно спотыкается обо все красивое, необычное. Аня способна

любоваться формой облака на небе, восхититься цветом автомобиля или с интересом разглядывать туфли оригинального дизайна. Она не шмоточница, но предпочитает носить нестандартные вещи. Образно говоря, Ане не нравится шагать со всеми в одной шеренге. Когда москвички щеголяли в узких черненьких брючках и остроносых туфельках на головокружительной шпильке, Аня ходила в нарочито рваных джинсах и кроссовках, украшенных стразами, но стоило столичным модницам тоже перейти на штаны из корабельной парусины, как Анечка моментально нацепила «дудочки» из тонкой шерсти.

Глухонемую девушку Аня сразу выделила из общей толпы посетителей «Тюльпанчика» благодаря сумочке, которую клиентка небрежно поставила на пол. Художница принесла клиентке заказанный кофе и ахнула. Ридикюльчик выглядел более чем оригинально: весь из замши голубого цвета, а бочка его украшает фотография собаки, веселой, рыжей, с задорно торчащими ушами. Аня никогда и нигде не встречала подобного аксессуара, поэтому, не сумев сдержать любопытство, спросила:

– Где ты такую прикольную штучку приобрела?

Блондинка бросила взгляд на торбочку, улыбнулась, вытащила блокнот и написала:

– Сделала на заказ, на сумку можно поместить любое фото, чье хочешь.

– Ты глухонемая! – догадалась Аня.

– Тебя это пугает? – написала девица.

– Нет-нет, прости, – извинилась художница, – скажи, дорого стоит сделать прибабасик?

– Недешево, цена зависит от размера.

– Дай адрес мастерской, – взмолилась Аня, – если, конечно, не жаль.

Блондинка улыбнулась, порылась в ридикюльчике, вытащила из кармашка визитку с координатами фирмы. Аня, еле-еле дождавшись следующего дня, прямо с утра, забыв про написание картин, ринулась в центр Москвы, разыскивать бутик, где наряду с элитной одеждой торговали и чудо-ридикюльчиками.

Нужную точку Аня нашла сразу, никаких посетителей в ней не толпилось, и сверхзаботливая продавщица рассказала все об оригинальных сумочках.

Да, действительно, на замшу перенесут любую фотографию, срок исполнения заказа, правда, долог, целых три месяца. Связано это с тем, что торбочки выпускает английская дизайнерша, лишь она обладает технологией и зарегистрированной торговой маркой. Заказ едет в Лондон, потом добирается в Москву, отсюда и девяносто дней. И, конечно, услуга стоит дорого, жутко дорого, для Ани вообще нереальные деньги.

Услыхав про цену, художница скисла. Продавщица то ли из профессиональной выучки, то ли по доброте характера решила помочь не слишком обеспеченной клиентке.

– Знаете, – заговорщицки прошептала она, – мы при оформлении берем с заказчика семидесятипроцентную предоплату. Собственно говоря, этих денег вполне хватает, чтобы расплатиться с производителем, оставшиеся тридцать сотых – это наша прибыль. Ну и случается так, что люди не выкупают сумочку.

– Отдают кучу денег и не приходят? – удивилась Аня.

Торгашка кивнула:

– Ага. Впрочем, для многих наших клиентов сумма за сумочку не представляется большой, скорее копеечной. В общем, иногда у нас повисают «остатки», мы ждем установленный договором срок, звоним заказчику и, если слышим что-то типа: «А она уехала жить в Америку», или «Мне эта торба разонравилась», – со спокойной совестью выставаем кошелочку на продажу, но уже не за полную стоимость, а за те самые тридцать процентов, наша хозяйка не берет за одну работу деньги дважды. Да все продавщицы себе давно сумочки приобрели. Прикольная вещь, единственное, что мне не нравится, – требование директрисы приделывать к сумке визитку магазина, хорошо хоть изнутри, а не снаружи. И, конечно, вещь украшена чужим фото, а не которым хочется тебе. Но, поскольку в основном народ жаждет иметь сумочку с изображением любимой кошки, собачки или птички, то и все равно, животные всегда милые, любые, даже не свои. Короче, сейчас есть такая сумка, берешь?

– Да! – закричала во все горло Аня.

Радость переполняла художницу, ее не погасило даже то, что за небольшой кошелечек на длинном ремне пришлось отдать всю полученную в «Тюльпанчике» зарплату. И теперь Анечка является счастливой обладательницей роскошной, эксклюзивной, модной вещи.

На этой фазе рассказа Аня остановилась и спросила:

– Ну как? Даете еще сто баксов? Завершу рассказ лишь после окончательной расплаты.

Я покачал головой:

– Похоже, ты и первую-то сумму получила зря! Зачем мне знать, где и каким образом девушка Аня раздобыла аксессуар. Каким боком эта совершенно никчемная информация касается глухонемой Франсуазы?

Аня усмехнулась.

– Если вы так туго соображаете, то вовек девку не найдете, а ну включите свет в мозгах! Сумку она заказывала в магазине, так?

– Да.

– Чтобы оформить сделку и получить потом готовое изделие, был составлен договор?

– Верно.

– И все еще не ясно?

– Нет.

– О боже! – закатила глаза Аня. – Ведь многие бабы замуж до смерти хотят! Найдут такого бестолкового, как вы, потом по жизни в зубах таскают и счастливы! В договоре адрес есть

и телефон! Как, по-вашему, клиента о прибытии посылки известить? А? Дело за малым – скатать в магазин, описать им сумку немой и получить все необходимые сведения. Ежели желаете адрес торговой точки, гоните еще сто баксов, если нет – так разбежимся!

Я молча полез в кошелек. Может, я и не сразу сообразил, в чем дело, случается у меня порой некий умственный ступор, но Аня тоже допустила логическую ошибку. Сидя у стойки в «Тюльпанчике», я самозабвенно врал о большой любви и чистых взаимоотношениях, следовательно, хорошо знаю домашний адрес любимой, а в бутике мне сообщат название улицы, списанное из паспорта. Если бы я на самом деле хотел разыскать скрывшуюся невесту, не дал бы за сведения и копейки, но в моем случае Аня принесла просто жизненно важную информацию.

– Опишите сумочку, – велел я, расплатившись, – цвет, размер, фотографию, помещенную на ней.

– Давай нарисую, у меня рука лучше, чем язык, работает, – деловито предложила Аня.

Глава 6

Рассказав Норе о добытой информации, я получил исчерпывающие указания и поехал в бутик. Путь занял почти полтора часа, к сожалению, центр Москвы забит до такой степени, что езда превращается в муку, но еще худшая проблема – найти место для парковки. Кое-как я впихнул «Жигули» в крохотное пространство между двумя огромными иномарками, а потом спустился по ступенькам вниз – элитная торговая точка располагалась в подвале.

Не успел я войти в помещение со слишком низким для меня потолком, как будто из-под земли материализовались две продавщицы и затараторили, словно обезумевшие сороки:

- Здравствуйте, у нас новая коллекция.
- Суперские пуловеры.
- Классные джинсы.
- Куртки на натуральном меху.
- Роскошные шарфы, настоящий кашемир, не подделка, как у других.

Меня стало тошнить, конечно, в советские времена наши торговые работники были не слишком-то любезны. На каменно-мрачных лицах продавцов редко появлялась не то чтобы улыбка, а даже простое нормальное, человеческое вы-

ражение приветливости. В основном сотрудники торгующих организаций смотрели на вас волком. Это на испуганных лицах покупателей застывали заискивающие гримасы, а изо рта вырывалась фраза:

– Дорогая, сделайте одолжение, если нетрудно, мне бы вон тот свитерок.

– На, – швыряла вещь хмурая баба, – да не жмакай в руках, еще помнешь!

– Можно примерить? – приседала от почтительности клиента.

– Кабинка занята, – неслоь в ответ.

– А нет ли такого же, но синего цвета? – осмеливалась спросить та, что хотела обновку.

На этой стадии разговора королева прилавка начинала багроветь и изрыгать из себя фонтаны выражений, типа:

– Ходют всякие, денег нет, а сами вещи хапают. Еще и кривляется! Ишь какая! Бери чего дают, через час ничего не останется. Нашлась цаца! Синий цвет! И в зеленом пощеголяешь, чай, не барыня, скромней надо быть...

Слава богу, времена повального хамства в торговле закончились, теперь ситуация изменилась кардинальным образом. Но мне, только не сочтите Ивана Павловича занудой, снова трудно делать покупки. Не успеешь войти в зал, как подсказывает желающий услужить продавец и начинает терроризировать тебя усиленной заботой, тащит к вешалкам и постоянно выкрикивает: «Мне по душе вот этот кардиган. Мне

нравится этот костюм. Мне по вкусу этот галстук. Мне... мне... мне... этот... эта... это...»

Но я-то не он, мой вкус часто отличается от пристрастий добра молодца или красной девицы с бейджиком на форменной рубашке. Хочется самому спокойно, без тягостного сопровождения походить по залу, сделать обдуманный выбор, мне не нужны советы продавцов на стадии отбора шмоток, торговец понадобится для поиска моего размера или цвета. Но как сказать об этом юноше или девушке, которые хвостом тащатся за вами, периодически взвизгивая: «Во! Версаче! Супер! Дико модно!»

Очевидно, я просто недовольный всем брызга, невнимание и хамство меня оскорбляют, исключительная забота раздражает, может, Николетта права, говоря, что сын обладает на редкость вздорным характером?

Ничего не подозревавшие о моих мыслях щечетушки продолжали тарыхтеть:

- Поступили жилеты из кожи питона.
- Тефлоновое белье.
- Носки со стразами!

Услыхав последнее заявление, я вздрогнул и очнулся.

– Спасибо, с блестящими искусственными камнями ничего не надо.

– Зря, – с жаром воскликнула одна из девчонок, – дико модно! Я в восторге.

– Сейчас очень актуальны яркие, переливающиеся акцен-

ты, – подхватила вторая, – вот, допустим, смотрите сюда. Свитер под леопарда, но очень и очень необычный. Пятна не коричнево-черно-белые, а розово-оранжево-голубые, с правой стороны золотыми нитками вышито «Я мужчина».

Мне стало смешно. Во дворе нашего с Норой дома гуляет маленькое животное, по виду смахивающее на волосатого таракана. Из-за тщедушности тела несчастное создание постоянно мерзнет и по этой причине щеголяет на прогулке в сюртучке, украшенном аппликацией «Я собака». Правильная предосторожность, поглядишь на надпись и поймешь, кто перед тобой. Впрочем, субъект, нацепивший на себя розово-оранжево-голубого «леопарда», тоже нуждается в определяющей его сущность вышивке.

– А еще имеется полушубок, – впала в раж продавщица, – он из...

Я вынул из портмоне бумажку и сунул под нос девчонке.

– Торгуете подобными сумками?

Болтушки мигом скисли.

– Это в отдел аксессуаров, – разочарованно протянула та, что подпрыгивала справа от меня.

– Алина, – крикнула другая, – клиент пришел!

Послышался цокот каблучков, и передо мной очутилась еще одна продавщица.

– Слушаю вас, – вежливо, но сухо сказала она, – желаете посмотреть ассортимент? Сумки, перчатки, подтяжки, кошельки. Сюда, налево, осторожно, здесь ступенька, и не

стукнитесь макушкой.

Я пригнулся и пробормотал:

– Хозяин магазина явно не рассчитывал на людей моего роста.

– Присаживайтесь, – предложила Алина, – итак, что желаете?

– Вы торгуете такими сумками?

– Да, – кивнула девушка, – могу показать каталог уже готовых изделий. Впрочем, если повернете голову влево, увидите небольшой ассортимент того, что можно приобрести прямо сразу, без предварительного заказа.

Я улыбнулся Алине.

– Разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин, ответственный секретарь общества «Милосердие», вот визитка.

Тоненькие пальчики осторожно взяли протянутый прямоугольник.

– Рада знакомству, – вежливо ответила Алина, – мое имя, вы, наверное, уже на бейдже прочитали.

– Да, оно вам очень идет.

– Спасибо за комплимент, но вернемся к аксессуарам!

– Алиночка, – заулыбался я, – я работаю у очень богатого человека... э... Ильи Петрова. Общество «Милосердие»...

Лицо продавщицы мигом потеряло всякую приветливость.

– Если пришли просить материальную помощь, – вос-

кликнула она, – то это не ко мне, езжайте в центральный офис, разговаривайте с начальством.

– Бог мой! Вы совершенно неправильно меня поняли! Речь ни в коем случае не идет ни о каких субсидиях!

– А о чем идет речь? – усмехнулась краешком рта Алина.

– Разрешите объясню.

– Валяйте, – отбросила всякие церемонии девушка, – все равно посетителей нет, скука страшная.

– Мой хозяин богат, молод и холост, – завел было я.

– Познакомьте меня с ним, – улыbnулась Алина, – ей-богу, буду хорошей женой, до смерти надоело в бутике маячить.

– Вы бы ему понравились, – галантно ответил я, – но сердце Ильи Петрова с недавнего времени занято. Он увидел в театре девушку, блондинку с голубыми глазами, и влюбился в нее сразу.

– Повезло дурочке!

– Можно и так считать, только Илья не успел спросить у красавицы ни имени, ни номера телефона. Девушка внезапно испарилась, единственная примета – эта сумочка. Илья выяснил, что вы всегда записываете координаты клиента, и отправил меня со слезной просьбой: он готов хорошо заплатить, если вспомните, кто купил ридикюльчик.

Алина прикусила нижнюю губку.

– Ну, в общем, верно, мы берем у заказчиков данные, но, сами понимаете, не имеем права их потом никому сообщать. Наш бутик посещают в основном богатые и знаме-

нитые, звезды шоу-бизнеса, кино, театра, политики. Хозяин строго-настрого запрещает даже дома, своим членам семьи рассказывать, кого я обслуживала.

– Но тут особый случай, – воскликнул я, – любовь!

– Боюсь, не помогу вам.

– Умоляю, Алина.

– Нет, не могу нарушать правила.

– Есть еще одна деталь.

– И какая же?

– Я наемный служащий, честно говоря, не слишком приспособленный к современной жизни человек, имею в кармане диплом Литературного института.

– Это где на писателей учат?

– Да.

– Супер.

– Только из меня великого прозаика не вышло, – тихо заявил я, старательно наступая на жалость, самое сильно развитое чувство у женщин, – долго мыкался без работы, потом повезло, попал к Илье. Мне надо содержать больную престарелую мать, ну и себя, конечно, тоже.

Надеюсь, Николетта никогда не узнает, что я назвал ее «больной престарелой матерью», иначе минуты мои на этом свете будут сочтены, маменька прихлопнет Ваню как муху.

В глазах Алины мелькнуло нечто, похожее на сострадание. Я обрадовался и утроил усилия.

– Матушка прикована к инвалидному креслу, ей требуют-

ся лекарства и сиделка, зарплату Илья платит мне достойную, мы сейчас не нуждаемся. Но что делать, если Петров выгонит меня вон?

– И с какой бы стати ему вас выгонять? – хмыкнула Алина.

Я тяжело вздохнул и, добавив в голос непереносимого отчаянья, сообщил:

– Так сегодня он сказал: «Не принесешь адрес любимой – сматывай удочки». Ужасно! Придется с мамой от голода умирать!

Алина помяла в руках пояс от своего платья, потом встала и пошла к длинному прилавку, я бросился за ней.

– Очень хорошо помню заказчицу, – сказала продавщица, вытаскивая толстенную амбарную книгу, – она принесла кучу снимков, мы вместе отобрали изображение собаки, у которой очень смешно уши вверх торчат. Так и быть, дам вам ее координаты, но, понимаете, вдруг клиентка сумочку не себе, а в подарок кому-то готовила? Заказчица была не блондинкой, и она не показалась мне молодой и красивой.

– Волосы выкрасить недолго, а восприятие внешности субъективно.

– Верно, – пробормотала Алина, – пишите адрес, тут и телефон имеется.

– Ну он мне навряд ли понадобится.

– Да? Почему же?

– Видите ли, девушка глухонемая.

Пару секунд Алина молча смотрела на меня, потом рас-

смеялась:

– Вовсе нет! Когда она к нам пришла, очень даже бойко разговаривала. Хотя я уже говорила, что заказчица могла просто кому-то подарок планировать. У нас часто приобретают кошельки, сумочки, даже чемоданы для своих друзей. Очень прикольный презент!

– Спасибо, – закивал я головой, – вы спасли меня от хозяйского гнева.

– Ерунда, – отмахнулась Алина, – я сама в услужении состою, знаю, каково под другого человека прогибаться за зарплату.

– Как мне вас отблагодарить? Может...

Я вытащил портмоне.

– Уберите, – укоризненно сказала Алина, – только никому не рассказывайте, что от меня адрес получили.

– Нет, конечно, буду нем, как рыба.

Алина засмеялась.

– Впрочем, если ваш молодой, богатый и красивый олигарх разочаруется в своей глухонемой блондинке, привезите его в наш магазин, в мою смену, вдруг я ему по сердцу приду!

– Договорились, – кивнул я и ушел, сжимая в руке бумажонку с координатами Франсуазы.

Увы, молодых, богатых, красивых олигархов на всех не хватает, подавляющему большинству женщин приходится довольствоваться самыми обычными парнями. Думаю, ми-

лым девушкам не стоит, затаив дыхание, поджидать принца на белом коне, не факт, что королевич, скача мимо вашей избушки, захочет съесть яблочко и увидит вас, красавицу, в саду. Лучше уж самой строить жизнь, выучиться, получить профессию, найти достойную работу. И потом, принцы, как правило, обладают мерзким характером, почитайте исторические хроники, рассказывающие о французских королях, мигом расхочется жить во дворце.

Очень осторожно я отъехал от бутика и, решив выпить кофе, принялся разглядывать вывески. Нужная попалась буквально сразу. Жаль только, машину поставить негде, лучше отъеду чуть подальше от центра, да там и подешевле будет.

Тихо подпевая радио, я порулил в сторону Ленинского проспекта, и тут ожил мобильный.

– Ваняша, – затараторила Тася, моя бывшая няня, а теперь домработница Николетты, – скорей лети сюда, ужась что получилось!

Тревога сжала мое горло, Тася практически никогда не звонит воспитаннику. Николетте, несмотря на ее моложавый вид и редкостную вздорность, много лет. Господи!

– Быстро говори все! – крикнул я.

Из трубки послышался шорох, сопение, всхлипывание, потом шепот.

– Скорей, Ваняша! Такое тут! Лучше самому тебе приехать!

– Да объясни... – начал было я, но Тася неожиданно отсоединилась.

Объятый ужасом, я сделал то, чего не совершал до сих пор ни разу: пересек две непрерывные белые линии посередине мостовой и понесся в обратном направлении. В голове билась лишь одна мысль: хорошо бы успеть застать Николетту в живых, она не должна умереть, не простившись с сыном.

Когда Тася распахнула дверь в квартиру, я быстро отодвинул ее в сторону и, как был, прямо в верхней одежде и ботинках, ринулся в спальню матушки.

– Ты куда, Ваняша, – пискнула Тася, – разобуйся сначала!

Но мне было не до церемоний, я схватился за ручку, дверь распахнулась. Перед глазами предстала большая двуспальная кровать, прикрытая розовым атласным покрывалом и заваленная горой разнокалиберных подушек.

Я прислонился к косяку.

– Давай пальтишко, – засуетилась Тася.

– Где Николетта? – прошептал я.

– В гостиной сидит.

– Ей не плохо?

– Очень даже хорошо, – ответила Тася, – с чего дурноте случится? Квартира уютная, холодильник полный, никаких хлопот!

– И зачем ты мне звонила? – возмутился я. – Напугала до трясучки!

Тася прижала палец к губам.

– Тс-с! Сделай вид, будто сам прикатил! Ох и достанется сейчас тебе!

– За что? – изумился я.

Бывшая няня вытаращила глаза, разинула рот, но тут из гостиной выпорхнула маменька, с виду совершенно целая и здоровая. Николетта была одета в обтягивающий нежно-розовый пуловер и в ярко-фиолетовые брючки, украшенные множеством карманов. Такие штанишки обожают школьницы младших классов.

Заметив меня, маменька тряхнула искусно выкрашенными, художественно уложенными кудрями и сердито вскрикнула:

– Ага, явился! А ну, ступай в зал!

– Добрый день, – попытался я слегка изменить боевой настрой маменьки.

Куда там, Николетта, похоже, встала на тропу войны.

– Очень недобрый день! – заорала она. – Крайне пакостный! Ничего хорошего никому из нас не принес! Марш в гостиную.

Изумленный до крайности, я пошел в указанном направлении. Чем я прогневил маменьку? Хотя Николетте, чтобы впасть в злобность, достойного повода и не надо. Вполне вероятно, что кто-то из заклятых подружек: Кока, Мака, Люка, Кики или Мисюсь – приобрел себе новые сережки, и теперь Николетта не успокоится, пока не получит точь-в-точь такие

же.

В просторном помещении не горела большая люстра, свет исходил лишь от настольной лампы с розовым абажуром. Николетта очень хорошо знает, что при подобном освещении даже глубокой старухе больше сорока лет не дать, поэтому в ее доме объявлен мораторий на электролампочки в сто ватт, только слабый, рассеянный свет, никаких ярких прожекторов, безжалостно подчеркивающих морщины и дряблую, несмотря на все старания и деньги, кожу.

– Узнаешь? – заголосила маменька, входя следом.

– Кого? – оторопело поинтересовался я и в ту же секунду понял: мы не одни.

В дальнем углу, возле антикварного пианино, на котором ни я, ни Николетта, ни, конечно, Тася играть не умеем, в большом темно-бордовом кресле сидела девушка. Лицо ее тонуло в тени, а вот симпатичные стройные ножки были на виду.

– Ну, узнал? – голосом гарпии повторила маменька.

– Извини, пожалуйста, твоя гостья...

– Это твоя гостья, – завизжала Николетта, – твоя гостья!

ТВОЯ!

– Моя?

– Твоя! Да! Именно твоя!

Я кашлянул, взял себя в руки и постарался погасить начинающуюся истерику.

– Николетта, я не приглашаю сюда приятельниц.

– Она сама пришла! Нагло вперлась и села! Требуется те-
бя, – затопала ногами маменька, – немедленно уведи нахал-
ку прочь! Живо! Такие глупости несет! Я – бабушка! Я – ба-
бушка! Я – бабушка! А она...

Длинный, безукоризненно отполированный ноготок ма-
меньки указал в сторону кресла.

– А она утверждает, что беременна от тебя!

Я вздрогнул и рассмеялся.

– Николетта! Ты шутишь! Ей-богу, глупая забава, лучше
представь меня своей гостье.

– Мы давно можем считаться друзьями, – донеслось из
кресла.

Голос и впрямь показался мне знакомым, я вгляделся в
сумрак, и тут девушка встала и подошла ко мне.

Не веря своим глазам, я потряс головой. На ковре, не вы-
казывая ни смущения, ни страха, ни беспокойства, стояла...
Вера, бывшая любовница Славы Минаева.

Глава 7

– Э... э, – вырвалось у меня.

Ну-ка скажите, кто бы из вас не растерялся в подобном случае? Слишком неожиданным было увидеть девуцу у Николетты в гостях.

– Добрый вечер, Ваня, – потупилась Вера, – видишь, как вышло? Уж извини, но идти мне некуда, пришлось ехать сюда.

– Вера! – отмер я. – Какими судьбами?

– Ага! – взвизгнула Николетта. – Ты знаешь ее!

– Ну, в общем, да, – кивнул я, – мы встречались.

Вера приблизилась вплотную, до моего носа долетел запах слишком сладких духов.

– Отвратительно, – затопала ногами маменька, – уведи девку отсюда!

Я сделал шаг назад, наткнулся на псевдоантикварный комод и замер. В ту же секунду Вера с воплем:

– Милый, наконец-то ты пришел! – повисла на моей шее.

Я попытался оторвать от себя девуцу, но ее руки обвивали меня словно липкие щупальца, а еще субтильная на вид Верочка оказалась цепкой и сильной, и мне не удалось избавиться от нее.

– Любимый, – жарко шептала Вера, слюнявя мне щеку влажными губами, – единственный...

– Вон! – заорала Николетта с такой силой, что хрустальные подвески на пышной люстре начали тихонько позвякивать. – Немедленно убери хамку из моего дома.

Внезапно Вера расцепила объятия и спокойно сказала:

– Вы, бабушка, не верещите, в вашем возрасте вредно, печенка лопнуть может!

Услышав сие заявление, стоявшая у стены Тася миготом присела, прикрыв голову руками, я вздрогнул. Но Николетта неожиданно замолчала, не произнеся ни звука. Маменька рухнула на диван, потом вдруг тихим голосом спросила:

– Ваня, ты с ней спал?

Я растерялся, мне давно не пятнадцать лет, и время от времени я вступаю с женщинами в интимные отношения, но мы с Николеттой никогда не беседуем на, так сказать, сексуальные темы. Мне даже в юности не пришло бы в голову поделиться с маменькой своими секретами, а она никогда не интересовалась подробностями моей личной жизни. Да, Николетта не оставляет надежды женить сына, но вся ее матримонимальная активность питается лишь одним соображением: маменьке хочется найти для отпрыска богатую невесту, помесь бензоколонки с водочной бутылкой и алмазными копиями. Николетта очень боится нищеты. Несколько раз она заводила разговоры на тему: «Что будет с нами, когда Нора умрет». Увы, я не могу успокоить маменьку. Если хозяйка, не дай бог, скончается, Иван Павлович окажется без средств к существованию. Николетта очень хорошо понима-

ет проблему, поэтому постоянно приглашает на суарэ¹ соответствующих кандидатов, но пока мне удавалось высказываться из мышеловки, не прищемив хвост.

– Ваня! Ты спал с ней? – добавив децибел в голос, поинтересовалась еще раз Николетта.

Я смущенно кашлянул.

– Ванечка, – сиротским голосом проблеяла Вера, – отвечай правду! Нам ведь было очень хорошо вместе, а? Помнишь?

– Ну... – замямлил я, – э... в общем...

– Да или нет? – тоном сотрудника гестапо осведомилась Николетта.

– Ванечка, – зашептала Вера, – мы же любим друг друга, страстно и отчаянно!

– Так как? – наседала маменька.

– Да, – вырвалось из меня, – но всего один раз!

– Не беда, милый, – хихикнула Вера, – теперь я буду твоей всегда, в любой момент. Квартирка здесь большая, места хватит, надо только заранее подумать, где детскую оборудовать. Я тут по хоромам помоталась и удивилась, комнат полно, а тебе самую плохую выделили, крохотную и темную. Несправедливо получается: старуха шикает, а ты в чулане. Ну ничего, я наведу тут порядок, бабкам надо свое место знать, моя тоже хамила, пока не померла, теперь на кладбище, тихая.

---

¹ Суарэ – вечеринка (*испорченный французский*).

Николетта сидела на диване не шевелясь, Тася сняла руки с головы, но так и осталась на корточках, я сначала лишился дара речи, но потом, придя в себя, схватил Веру за плечи, сильно встряхнул и воскликнул:

– С ума сошла! Немедленно уходи отсюда! Как вообще этот адрес узнала и зачем сюда приехала?

Девушка ловко вывернулась из моих рук, села в кресло и абсолютно спокойно произнесла:

– Пока ты спал, я брюки повесить решила, взяла их, а из кармана паспорт выпал, ну я и не выдержала, любопытствовала, полистала документ.

– Не ври, – потерял я все остатки воспитания, – я всегда ношу удостоверение личности в барсетке, и одежда моя, когда я очнулся, на полу валялась.

Николетта молчала, лихорадочно моргая глазами, Тася ойкнула, а Вера захихикала.

– Запомняла, значит, я, откуда паспортина вывалилась. Ваня, я беременна, у нас скоро родится малыш, и ты, как честный человек, обязан на мне жениться.

Все волосы на моем теле встали дыбом. Ребенок? С одного раза? Хотя, глупый вопрос, беременность может наступить и после первого соития. О боги! Я совершенно не хочу становиться отцом, не испытываю ни малейшего желания возиться с крикуном, да и Вера категорически не годится на роль госпожи Подушкиной.

Сердце заколотилось в груди, в висках застучало, гла-

за неожиданно заболели, и резко стало не хватать воздуха. Словно поняв мое состояние, Вера встала и взяла меня за руку.

– Ты ведь рад, милый?

Я не нашелся, что ответить.

– Мать Божья, – заголосила Тася, – что же у нас творится! Ваняша! Где ж ты отрыл красу ненаглядную? Уж лучше б на той страхолюдине женился, что Николетта во вторник приглашала. Жуткая, конечно, с лица, но с морды воду не пить, зато богатая, а эта! Ни рожи, ни кожи, ни денег!

– Немедленно убирайтесь отсюда, – прошипела Николетта, – вон! Оба!

Голос маменьки набрал мощь, окреп и заметался воплем под потолком. Я схватил Веру в охапку, вытолкнул на лестницу, дотянул девицу до второго этажа, припер к подоконнику и велел:

– Изволь объясниться, что за дурь ты сейчас несла?

Вера порылась в сумочке, вытащила узенький клочок бумаги и, ткнув ее мне под нос, осведомилась:

– Видишь три красные полосы?

– Да.

– Это положительный тест на беременность.

Меня сначала отшатнуло в сторону, потом, взяв себя в руки, я решительно сказал:

– Хорошо, ступай на аборт. Естественно, я оплачу все расходы.

– Мне нельзя искусственно прерывать беременность, – за-
рыдала Вера.

– Почему? – удивился я.

– У меня аллергия на любой наркоз, – прохлюпала деви-
ца, – а по-живому я не выдержу!

Меня передернуло.

– И что теперь делать?

Вера заплакала еще пуще.

– Ты мне ребеночка сделал, ты и думай. Меня тетка из
дома выгнала, как про беременность услышала, жить негде,
денег нет... Куда с малышом податься?

– Почему же ты не пользуешься контрацептивами? – толь-
ко и сумел выдать я из себя.

Вера вытерла кулаком нос.

– Кто ж знал, что ты на меня так набросишься, просто как
ополоумевший! И потом...

Слезы снова хлынули из глаз Веры потоком, у меня за-
щемило сердце. В конце концов, девушка права, я мужчина,
и ответственность за случившееся лежит на мне, представи-
тель сильного пола не имеет права терять голову.

Я вынул из кармана носовой платок, вытер лицо Веры и
нарочито спокойным голосом сказал:

– Пожалуйста, попытайся взять себя в руки, сейчас я решу
проблему.

Вера вцепилась пальцами в подоконник.

– Ваня, я люблю тебя! С первого взгляда! Как только

Славка нас познакомил, я сразу поняла: ты мой единственный. Женись на мне, ей-богу, я стану отличной хозяйкой, никогда ничем не попрекну тебя, солнышко, котик, зайка...

У меня снова зашевелились волосы на теле, мужчины сейчас поймут Ивана Павловича. Беременность случайной партнерши – неприятный казус, больше всего, узнав о перди-монокле, хочется мгновенно сделать ноги. И кое-кто из парней так и поступает, дескать, моя хата с краю, какие претензии, штампа в паспорте нет, разбирайся, киса, сама. Но все же подавляющее большинство мужчин люди честные, поэтому попросту расстегивают кошельки и дают девицам деньги. Это самый простой и удобный выход. Случаются, правда, и третьи варианты, когда дама вынуждает кавалера жениться на ней, шантажируя еще не появившимся на свет младенцем.

– Думаю, об узаконивании отношений пока говорить рано, – быстро сказал я.

– Хорошо, – согласно кивнула Вера, – как прикажешь, на все ради тебя готовая. Только где теперь мне жить? Твоя мать, карга старая, выперла вон. Ко мне не сунуться, тетка дурниной визжит, да и места нет!

– Пошли, – решительно велел я.

– Куда? – поинтересовалась Вера.

– Отвезу тебя на квартиру.

– Какую? – продолжала расспросы «невеста».

Ничего не объяснив девице, я сунул ее в «Жигули» и покати в сторону Фестивальной улицы.

– Хорошо иметь свою машину, – вздохнула Вера, – только тебе придется другую покупать.

– Меня устраивает та, что есть.

– Так на заднее сиденье короб не влезет.

– Короб? – повторил я.

– Ага, от коляски, – радостно повторила Вера. – И багажник, похоже, маловат. На рынке продуктами не затариться. Я, Ванечка, люблю запас иметь, консервы там, крупа, мука, соль, сахар. В нашей стране всякое случиться может, как жажнет революция, а в кладовочке всего полно. Так ты не с гримзой живешь? У самого-то площадь хорошая? Сколько комнат? Если одна, то не страшно, я не капризная, в тесноте, да не в обиде, может, моя тетка помрет, она уже старая, сорок пять исполнилось, пора и упокоиться. Мы с тобой тогда квартирки объединим, и ладно выйдет. А то еще и твоя гримзятина на тот свет отъедет, совсем шоколадно будет, дачку приобретем. Я страсть как землю люблю, огурчики, помидорчики, цветочки. Эх, заживем! Прикинь, Вань, в пятницу после работы на фазенду порулим, в баньку сходим, я не вредная, всегда сто грамм опрокинуть разрешу, потом телик поглядим и на боковую. В субботу можно подружек с мужиками позвать, шашлычок забабахать, если захочешь на участке гараж ставить, то милое дело. Я, Вань, не конфликтная, понимаю, парню хобби нужно, возись с железками сколько душа просит, только и на семью время оставь. Я не как другие, плешь не проедаю. Работать пойду, в дом ко-

печку понесу, все путем, как у людей будет, телевизор, холодильник, видак, кассеты, сидюшник. И готовлю хорошо, макароны, щи... Или ты больше борщ уважаешь? Эй, Вань, чего притих?

Сцепив зубы, я припарковался возле большой светло-желтой башни и приказал:

– Выходи.

– Куда мы приехали? К тебе? – засуетилась Вера.

– Нет. Я живу на квартире у хозяйки.

– Да?

– Да! И тебе туда нельзя.

– Почему?

Представив себе гримасу Норы, которую та скорчит при виде Веры, я, наверное, слишком резко отрезал:

– Потому что меня выгонят со службы.

– Ага, поняла, – живо пошла на попятный Вера, – нам без зарплаты никак! На одни памперсы сколько уйдет! Так куда ж ты меня приволок?

Я открыл ключом дверь, втолкнул «невесту» в коридор и сказал:

– Сейчас объясню.

Два года тому назад мой очень близкий приятель Эдик Гольдин уехал в Америку. В Москве у Эдьки имеется две квартиры: однушка и трешка. Первая принадлежит Соне, жене Эдика, а вторая самому приятелю. Эдька, Соня и Сара Самуиловна жили вместе, на жилплощади Гольдина. Квар-

тира жены, кстати, находящаяся на том же этаже, стояла пустой. Потом семья собралась в США, Эдика пригласили в один из провинциальных университетов читать лекции. Деньги американцы платят отличные, а для житья профессору предоставили симпатичный домик, вот Гольдины и подхватились всей семьей.

Может, кому и покажется странным, что зять не оставил тещу в Москве, но Эдик часто говорит:

– Если разведемся с Сонькой, я легко отдам ей все: квартиру, машину, счет в банке, но маму оставляю себе, Сарочка мой самый лучший друг.

Перед отправкой в Америку Эдик запер квартиры и вручил мне ключи со словами:

– Ваня, не сочти за труд, заглядывай иногда к нам, краны проверь, газ.

– Вы бы сдали апартаменты, – посоветовал я.

Эдик скривился.

– Не до такой степени мы нуждаемся, чтобы посторонних пускать, потом ремонт делать придется, мебель менять.

Я кивнул и с тех пор исправно захожу к Гольдиным, благо все их жилища находятся на одном этаже. Эдик в свое время женился на своей соседке, вернее, их свела Сара, но эта история не имеет никакого отношения к описываемым мною сейчас событиям.

Растолковав Вере суть дела и взяв с нее обещание аккуратно обращаться с чужим имуществом, я сказал:

– Сейчас я вынужден уехать.

– Да, милый, – смиренно ответила «невеста».

– Ты тихо сиди тут.

– А продукты? Мне же кушать захочется, – резонно заметила девушка, – и одежды никакой нет, тетка ничего с собой прихватить не разрешила.

Я вынул бумажник.

– Возьми на еду, тут неподалеку супермаркет есть.

– Хорошо.

– Моей матери не звони ни в коем случае.

– Так я телефона не знаю, – ответила Вера.

– Это просто великолепно, – хамски ляпнул я.

– Твоего тоже.

– Запиши.

– Это мобильный?

– Да.

– Дай домашний!

– Зачем?

– Ну... надо! Вдруг чего случится с ребенком, а сотовый отключен.

– Дитя пока нет, а я всегда нахожусь в зоне доступности, ясно?

– Ага.

– Тогда до свидания!

– Ваня, – заплакала Вера, – что со мной будет? Ну скажи, что мы обязательно поженимся! Пообещай! Иначе я сильно

разнервничаюсь, а мне вредно.

Я подошел ко входной двери.

– Вера! Как интеллигентный человек я попытаюсь так организовать нашу жизнь, чтобы всем было удобно!

– Ты сказал «нашу», – заликовала девица, – значит, мы идем в загс, завтра!

– Вера! Завтра мы поговорим более детально, дай мне подумать.

– Хорошо, любимый.

– Сиди тихо, не шуми.

– Да, дорогой.

– Никуда не звони и в гости к Николетте больше не езди.

– Как пожелаешь.

– Значит, до завтра.

– Милый, поцелуй меня!

Увернувшись от длинных, цепких ручонок, я выскочил на лестницу и, не дожидаясь лифта, понесся по ступенькам вниз.

Лишь сев в машину и схватившись за сигареты, я осознал ужас произошедшего. Хорошо хоть Николетта пока не тревожит меня, телефон молчит, словно в трубку воды набрал.

Внезапно мне стало смешно. Ты, Иван Павлович, совсем очумел! Мобильный аппарат никак не способен налить в себя жидкость! А то, что маменька не трезвонит и не устраивает скандала, очень плохой признак. Сейчас она находится в глубоком шоке, ближе к полуночи придет в себя и ри-

нется за советом к Коке, Люке, Зюке и Маке. К завтрашнему утру пол-Москвы будет знать, что Ваня Подушкин сделал ребенка абсолютно не подходящей ему ни по каким параметрам девице, и начнется! Кока, Мака, Зюка и Люка, выстроившись свиньей, пойдут на меня. Естественно, в курсе дела введут и Нору, хотя от хозяйки больших неприятностей ожидать не приходится. Элеонора придерживается мнения, что каждый человек кузнец своего счастья и любая личность самостоятельно портит себе жизнь, как умеет, поэтому она лишь усмехнется и завалит меня работой. И что теперь делать? Как поступить? Ладно, перестану дергаться, как гусь, увидавший поваренка с острым тесаком, и постараюсь спокойно бороться с возникающими проблемами. Итак, первое, где жить Вере? Увы, снять для нее жилплощадь мне не по карману.

Я нащупал сотовый и потыкал в кнопки, послышалось бодрое попискивание, шорох, гудки, затем раздался сонный, недовольный голос Эдика:

– Йес.

– Эдик, привет, извини, наверное, разбудил тебя, – воскликнул я, только сейчас вспомнивший о гигантской разнице во времени между континентами.

– Ничего, – закричал Гольдин, – у нас уже утро, вставать пора. Чего случилось? Надеюсь, ничего серьезного?

Я быстро изложил суть проблемы и закончил рассказ фразой:

– Думаю, я скоро найду выход из этого кретинского положения, но пока...

– Не дергайся, – перебил меня Эдик, – пусть живет! Эка проблема! Мы возвращаться не собираемся, в ближайшие три года точно.

Глава 8

Почувствовав, как с души сваливается бетонная плита, я поставил трубку в держатель на торпедке. Так, теперь позаботимся о следующей занозе. Мобильный затрезвонил, не посмотрев на определитель, я схватил аппарат и бодро сказал:

– Слушаю.

– Ваня, – послышался голос Лизы Рокотовой, – сделай одолжение, приезжай в кофейню на Тверской, срочно.

– Но у меня...

– Не медли, Ваня, – нервно воскликнула Лиза, – жду тебя.

Я повернул ключ в замке зажигания. У Рокотовой явно случилась беда. С Лизой мы провели вместе полгода. Рокотова, тридцатидвухлетняя женщина, замужем за успешным бизнесменом, супруг Лизы занимается колесами, ему принадлежит основная часть предприятий шиномонтажа в Москве, но это лишь верхушка айсберга, потому что покрышки нужны не только частным автомобилевладельцам, но и водителям огромных самосвалов, автобусов, пилотам самолетов. Поэтому Юрий, кстати, он мой ровесник, постоянно разъезжает по России, а Лиза изводится от тоски в трехэтажном особняке на Рублево-Успенском шоссе.

Любовница из Лизы получилась великолепная, ей, как и мне, не хотелось предавать наши отношения огласке, поэтому по шумным тусовкам и модным выставкам мы не ходи-

ли. В дорогие рестораны путь нам тоже был заказан, стоит там появиться вместе, как сплетники моментально замолотят языками. Поэтому мы с Лизой, понимаю, что в такое трудно поверить, ходили в общедоступные, забытые простым народом места, куда никто из тусовщиков никогда не заглядывает. Рокотову такие походы очень веселили, она надевала джинсы, свитерок попроще, натягивала бейсболку и, хихикая, говорила:

– Чувствую себя студенткой, давно забытое ощущение.

Лиза не конфликтна, мила, вполне симпатична внешне, и нам было о чем поговорить. Еще она категорически отказывалась принимать от меня подарки, соглашалась лишь на милые пустячки типа плюшевых игрушек. Собственно говоря, Лизе от меня нужно было лишь одно – мужское внимание, то единственное, чего не мог ей дать очень обеспеченный, но вечно занятый муж.

Некоторое время назад мы с Лизой расстались, отношения наши, очень удобные и необременительные, были бесперспективны, окончательно привязываться друг к другу мы не хотели. Елизавета не собиралась разводиться с Юрием, сумевшим окружить жену комфортом и богатством, в мои планы создание семьи тоже не входило. Впрочем, мы могли продолжать необременительный роман и дальше, но, решив посетить захудалый кинотеатр на окраине столицы, неожиданно наткнулись там на Леру, сестру Юрия. Каким образом даму занесло в сие заведение, осталось неизвестным. Слава

богу, Лиза мигом оценила ситуацию и, бросив меня, рванулась к Лере с воплем:

– Вау, ну и встреча!

Я поспешил затеряться в толпе, но, не забудьте, мой рост почти два метра, и Лера явно заметила долговязую фигуру, спешно пробиравшуюся против людского течения к выходу.

Лиза, испугавшись болтливости Леры, осела дома у телевизора с вязаньем в руках. Наша любовь сдулась, словно проколотый воздушный шарик, и вообще она перестала радовать. Впрочем, я, продлевая агонию, пару раз звонил любовнице, но в конце концов услышал каноническую фразу:

– Давай останемся друзьями.

И с огромным облегчением ответил:

– Конечно, дорогая, обращайся в любой момент, я брошу ради тебя все дела.

И вот сейчас Лиза воспользовалась моим предложением.

Сев за маленький круглый столик, я отметил, что Лиза слишком бледна, у нее синяки под глазами, и с воодушевлением воскликнул:

– Добрый вечер, дорогая, ты, как всегда, ослепительно выглядишь.

– Ваня, – даже не улыбнувшись, ответила Лиза, – у нас проблемы! Очень большие, можно сказать, почти непреодолимые. Я беременна!

– Как? – вырвалось у меня. – И ты тоже?!

Высокий гладкий лоб Лизы перечеркнула морщинка.

– Что значит – «и ты тоже»?

Я спохватился и попытался достойно выйти из идиотской ситуации.

– Ну, в том смысле, что и ты тоже могла забеременеть! Вроде мы предпринимали необходимые меры.

Лиза развела руками.

– Врач сказал, такое случается, ни один контрацептив не дает стопроцентной защищенности. Но это еще не все!

– Да? – пробормотал я, хватая со стола салфетку. – Сделай милость, говори дальше.

– О своем интересном положении я узнала некоторое время назад, – спокойно вещала Лиза, – и приняла решение рожать.

Рубашка моментально прилипла к спине.

– Ну... в общем, конечно... – промямлил я.

Лиза усмехнулась.

– Ваня, я вовсе не собиралась уходить к тебе от Юры, извини, но жить в нищете – это не для меня.

– Ясно, – пробормотал я.

– Потом, – продолжала Лиза, – я была искренне уверена, что забеременела от Юры. Видишь ли, мы с тобой пользовались защитными средствами, а с мужем я спала так, хоть и редко, но он оказывался в моей постели. Поэтому, убедившись в правильности предположений, я с радостью сообщила Юре: «Ты скоро станешь отцом». Ну кто бы мог подумать,

как развернутся потом события!

– И что случилось? – севшим голосом поинтересовался я.

– Юра молча встал и ушел, а через пару часов появилась его сестричка Лера и заявила: «Уматывай, убирайся из дома в чем есть. Брат тебе голой взял, такой и уйдешь».

Пораженная Лиза попыталась узнать, что же произошло, и услышала сногсшибательную информацию. Оказывается, Юра, переболевший в детстве свинкой, был бесплодным, детей у него просто не могло быть. Муж, стесняясь патологии, никогда не сообщал жене о своей физиологической особенности.

– Ты шлюха, – орала Лера, – выматывайся вместе с нагулянным добром к той коломенской версте, с которой тогда в кино была.

– И вот теперь, – стараясь сохранить сдержанность, завершила рассказ Лиза, – я оказалась на улице, без вещей, кредитная карточка заблокирована, ключи от машины отняты, охране велено не подпускать меня на пушечный выстрел к поселку. Все организовала Лера, она давно меня ненавидит, в свое время сестрица подкладывала под брата подружку, да Юра на меня внимание обратил. Сам понимаешь, пробил час мести. И куда мне податься? Друзей близких нет, один ты. За гостиницу платить нечем. Отправиться на историческую родину в Ростов-на-Дону? И чего? В родительских апартаментах полно народу проживает, тут еще я заявлюсь, да с животом в придачу. Ваня, дай совет, как мне поступить?

Я схватил бутылку минеральной воды, выпил ее прямо из горлышка и брякнул:

– Давай отвезу тебя к хорошему гинекологу, а потом по-смотришь по ситуации. Может, сказать Юре... э... э... Ну, что ты ошиблась! Тест наврал! А поскольку не знала о бесплодии мужа, то...

– Ваня! – хрустальным колокольчиком прозвенела Лиза. – У меня четырнадцать недель.

– И что? – икнул я. – При чем тут количество дней? Лиза усмехнулась.

– Твоя наивность в некоторых вопросах граничит с пещерностью. Аборт делают до двенадцати недель. Нет, теоретически прервать течение беременности можно на любом сроке, но поздняя чистка очень опасна для здоровья женщины и к тому же абсолютно аморальна.

Я растерянно оглянулся по сторонам.

– Но почему ты так запустила беременность? – спросил я. Лиза усмехнулась.

– Юра часто говорил: «От детей одна морока, не стоит переживать, что их у нас нет». Я ведь не знала о его бесплодии и полагала, что муж просто утешает меня, так как я не беременела. С другой стороны, я не исключала возможности, что он и в самом деле не слишком чадолюбив, но дитя скрепляет брак, вот я и дотянула до такого момента, когда вмешиваться поздно. Полагала, Юра сначала испугается, все мужчины трусы, впадают в ужас при известии о скором отцовстве, но

потом увидит малыша, растает, и отлично жизнь пойдет, я стану ребеночка воспитывать, все не так скучно будет. А видишь, что вышло. Извини, Ваня, но ты, как порядочный человек, обязан теперь о нас позаботиться, раз Юра не способен к зачатию, то стопроцентно я забеременела от тебя.

Я потряс головой и попытался выдавить из себя хоть слово, но из горла донеслось шипение.

– Конечно, – вещала Лиза дальше, – я привыкла к определенному уровню жизни, и меня коробят твои «Жигули». К тому же они узкие, некуда будет коляску ставить...

– Дача, – пробормотал я, – огурчики, помидорчики, баня, друзья, шашлычок, тихое семейное счастье.

Лиза скривилась.

– Я не слишком разделяю простонародные увлечения типа вскапывания огорода и песен под гармошку, но, если ты любитель подобного времяпрепровождения, спорить не стану. Ладно, поехали.

– Куда? – подскочил я.

– Как это? К тебе, естественно, не на вокзале же мне жить.

– Я обитаю с Норой.

– И что?

– Хозяйка будет недовольна.

– Ладно, тогда сними квартиру, – твердо заявила Лиза, – и дай денег, у меня ни одежды, ни еды. Что притих? Любишь кататься, люби и саночки возить.

Внезапно перед моими глазами развернулась дивная кар-

тина. Иван Павлович, обвитый словно тягловый владимирский тяжеловоз ремнями, тащит в гору череду санок. На одних, с ключами от дачи в кулачке, развалилась беременная Вера, на вторых сидит сверкающая бриллиантовыми серьгами, тоже находящаяся в интересном положении Лиза, замыкает «поезд» радостная Николетта, невесть как оказавшаяся среди будущих матерей. Мои ноги скользят по жидкой каше из глины и снега, спина покрыта потом, руки дрожат, вверх я даже боюсь смотреть, плато, куда следует во что бы то ни стало дотянуть саночки, находится настолько далеко, что о конечной точке путешествия лучше и не думать. И потом, некое чувство подсказывает, что там, на горе, кладбище с разверстой могилой, в кучу вынутой из нее земли воткнута табличка с надписью: «Место для господина Подушкина, мастера спорта по вяпыванию в неприятности».

– Не ожидала от тебя, – с укоризной качнула аккуратно уложенной головой Лиза, – ну что ж! Отправлюсь на вокзал, к бомзам, твой ребенок появится на свет у станционного туалета.

Я встал.

– Поехали.

– Неужели решил снять для меня крохотный уголочек? – заерничала Лиза.

– У меня есть пустая квартира, – сообщил я.

...Пристроив Лизу в трешку Гольдина, я снова набрал но-

мер Эдика.

– Йес, – пробурчал тот.

– Извини, опять Ваня Подушкин тебя тревожит.

– Ну?

– Ты спишь? У вас же день начался.

– У меня выходной, – чихнул Эдка, – впрочем, теперь уже все равно. Говори.

– Видишь ли, одна из моих любовниц беременна, жить ей негде, а снять квартиру очень...

– Ваня, – перебил меня Эдка, – здесь, в Америке, продают чудесное средство, попьешь таблетки и станешь как новенький, маразм в обнимку со склерозом покинут тебя. Уже один раз ты будил меня, несчастного, по поводу сей совершенно незначительной проблемы, напомню свои слова: квартира не нужна, возвращаться в ближайшие годы не собираюсь, пусть твоя беременная живет у нас спокойно.

– Мой мозг не поражен старческими изменениями!

– Да?

– Пару часов назад я говорил с тобой о Вере, которую отвел в однушку Сони, а сейчас речь идет о Лизе, ее я хотел поместить в трехкомнатную.

Эдка издал звук, сильно напоминающий хрюканье.

– Их две?

– Да.

– И обе беременные?

– Верно.

– Ну ты даешь!

– Так уж вышло.

– Просто какой-то племенной осеменитель, – заржал Гольдин, – впрочем, извини. Ты, наверное, теперь примкнул к крылу людей, которые считают, что в России неблагоприятная демографическая обстановка, решил поспособствовать решению проблемы народонаселения? Очень патриотично!

– Хватит издеваться!

– Это вульгарная зависть, – веселился Гольдин, – лично у меня уже отсутствует юношеский задор, жить одновременно с двумя телками я завязал давно.

Мне пришлось выслушать все подколы друга, в конце концов Эдик заявил:

– Пусть вселяется, нет проблемы, только смотри, чтобы они не подружились и не выяснили, кто папочка их нерожденных деток, квартирки-то рядом.

– Подобное исключено! – заорал я.

– Ну-ну, – хихикнул Гольдин, – кстати, у меня еще дача пустует. Так вот, коли завтра подселишь туда очередную мадам с пузом, сделай одолжение, не трезвонь, заранее разрешаю использовать фазенду. Ради старого друга я готов на все, Сонька и Сарочка умрут, когда узнают!

– Не говори им ни слова, – взмолился я, – может, еще и обойдется, мне шум ни к чему.

Гольдин хмыкнул.

– Ладно, смолчу, только по поводу сохранения тайны не

обольщайся, бабы сами растреплют, кстати, Николетта в курсе?

– Она знает лишь о Вере.

– А о второй?

– Нет.

– И как отреагировала твоя маменька, услышав о перспективе стать бабушкой?

– Пока молчит, не звонит, не скандалит, не требует уложить ее в клинику, – объяснил я.

Эдик закашлял.

– Тут, в США, есть очень красивые украшения для могил, в Москву пока подобные не поставляются, куплю и пришлю. Экстравагантный венок из бисера, весьма оживит твоё захоронение.

Я захлопнул крышку мобильного. Хорошо, когда есть такие верные друзья, как Эдька. Конечно, он сейчас от души веселился, но ведь и помог мне решить проблему. Ладно, можно временно перевести дух и заняться наконец-то работой. О том, как выбираться из сложной ситуации двойного отцовства, я подумаю завтра.

К дому заказчицы элитной сумочки я подкатил около восьми вечера. С одной стороны, поздно, с другой – еще вполне приличное время для нанесения визита.

Поглядев на клочок бумаги, я набрал телефон и, услышав тихое: «Алло», бодро воскликнул:

– Позовите, пожалуйста, Галину Леонидовну.

– Вы не туда попали, – вполне вежливо ответила незнакомка.

Что ж, случаются подобные казусы, я вновь потыкал в кнопки.

– Можно Галину Леонидовну?

– Молодой человек, вы снова обратились не туда, аккуратно пользуйтесь телефоном.

– Извините, но, очевидно, сеть барахлит.

– Ну-ка, назовите номер.

Я продиктовал цифры.

– Это мой, – констатировала женщина, – я недавно сим-карту купила, ваша знакомая попросту сменила номер.

Я не стал расстраиваться, сейчас поднимусь на пятый этаж и поговорю с Галиной Леонидовной без предупредительного звонка.

Вход в подъезд охранял домофон, я помедлил секунду у двери, чтобы сообразить, как ответить на вопрос: «Кто там?», – поднял руку и отшатнулся.

Железная дверь распахнулась, выпуская наружу девочку-подростка с собакой на поводке.

– Пожалуйста, дяденька, – вежливо сказала беспечное дитя, – входите.

Я поблагодарил школьницу и прошел к лифту. Наверное, следовало предупредить воспитанного тинейджера о соблюдении правил безопасности, но я малодушно промолчал. В

конце концов, за детей отвечают родители.

Глава 9

Галина Леонидовна оказалась столь же беспечна, как и только что встреченная мною школьница. Забыв даже спросить, кто там, она мгновенно распахнула дверь в квартиру и приветливо улыбнулась.

– Здравсти.

Я окинул взглядом крепкую, если не сказать полную шапку и испытал легкое разочарование: на стройную блондинку Франсуазу хозяйка совсем не похожа.

– Вы к кому? – улыбалась тетка.

– Хотелось бы поговорить с Галиной Леонидовной.

– А хозяева уехали в Италию, – бойко ответила бабенка, – я ихняя прислуга, меня стеречь добро оставили.

– Вот незадача, – пробормотал я.

– А чего случилось? – жадно поинтересовалась домработница.

Я быстро оценил ситуацию и вытащил удостоверение. Но не то, где на обложке написано «Милосердие», а бордовую книжечку, украшенную золотым гербом.

– Разрешите представиться, начальник следственно-розыскного отдела Иван Павлович Подушкин.

– Ляля, – испуганно представилась поломойка, – ой, милиция.

Я аккуратно убрал документ в барсетку. Люди, как пра-

вило, крайне невнимательны, практически никто не замечает достаточно крупные буквы, складывающиеся в надпись «Частное детективное агентство „Ниро“». Но, может, оно и к лучшему? В России милицию не любят, побаиваются и одновременно считают защитницей. Во всяком случае, те журналисты, которые с экрана и с газетно-журнальных полос обвиняют людей в серо-синей форме во всех возможных грехах, в случае ограбления кидаются именно в районные отделения с воплем: «Помогите».

Ну а простые люди при виде ментов моментально становятся откровенны и рассказывают то, о чем предпочли бы умолчать в ином случае.

– Чего я сделала-то? – растерянно забормотала Ляля. – Если вы по поводу вчерашнего, то у меня день рождения был. Я ж тут живу, ну и собрала гостей, чуть-чуть потанцевали, но в одиннадцать разошлись. Если вам Наталья Петровна из двадцать третьей наврала, будто мой брат на лестнице нагадил, то не верьте, Сеня не пьет, и вчера его...

– Не волнуйтесь, – приветливо сказал я, – речь пойдет совсем о другом. Можно я зайду внутрь? Или вы хотите, чтобы Наталья Петровна из двадцать третьей в деталях слышала нашу беседу?

– Ступайте скорей сюда, – забеспокоилась Ляля, – ботинки только снимите, у Галины Леонидовны эксклюзивный паркет, африканский кедр.

Я молча влез в жесткие резиновые тапки. Африканский

кедр, ну-ну!

Ляля провела меня на кухню и заботливо спросила:

– Может, чайку?

– Лучше сразу к делу, – ответил я и вытащил рисунок. –

Скажите, у Галины Леонидовны есть такая сумка?

Домработница всплеснула руками:

– Неужто нашли? Вот уж никогда бы не поверила!

– Сделайте одолжение, – попросил я, – объясните спокойно. Значит, сумку знаете?

Ляля села у круглого, покрытого красивой кружевной скатертью стола и зачастила. Я очень внимательно вслушивался в ее достаточно правильную речь. Ситуация сначала показалась вполне банальной. Домработница бойко рассказывала о хозяевах.

Галя и Миша Кусковы жили достаточно скромно, особых денег не имели, и запросы их были невелики, но потом вдруг неожиданно случилось чудо. Михаил решил заняться немудреным бизнесом, побегал по инстанциям, собрал необходимые бумажки и поставил в одном из отдаленных районов столицы машину, организовал пункт по сбору пустых бутылок. Расчет у мужика был простой – стеклянную тару он принимает, допустим, за пятьдесят копеек, а на переработку сдаст по семьдесят, разница должна осесть в кармане. Галя, как верная жена, одобрила супруга.

– Все равно меньше, чем в твоём НИИ, не получишь, да и я из детского сада ерунду приношу, – сказала она, благо-

словляя бизнес.

Супруги продали единственную семейную реликвию: кольцо и серьги с крупными камнями, антикварную драгоценность, доставшуюся Гале от прабабки, и приобрели «Газель». Поскольку средства не позволяли нанять работника, Галя, сама обрядившись в синий халат, стала общаться с бомжами и пенсионерами, Миша ворочал ящики и гонял «Газель» на перерабатывающий завод.

Через год у четы имелось двадцать два грузовика, Кусковы ухитрились монополизировать никем ранее не охваченный рынок. В семью пришел достаток, Миша и Галя начали меняться. В квартире сделали хороший ремонт и обставили ее шикарной мебелью, купили иномарку, приобрели дачу, завели в холодильнике икру, крабы, авокадо и сырокопченую колбасу. Галя открыла для себя мир дорогих магазинов, а Миша начал курить сигары и разбираться в галстуках.

И тут о супругах вспомнили родственники, откуда-то они узнали о благополучии Кусковых и начали активно набиваться в гости. Галя с огромным удивлением выяснила, что у нее, оказывается, есть куча сестер, дочерей папы от первого брака, а у Мишки нашлись тетки по линии матери, все, как одна, многодетные, бедные и голодные.

Сначала Галя и Миша, слегка стыдясь своей удачливости и богатства, помогали всем, засовывали в разверстые рты еду, а в протянутые руки деньги. Потом Галя поняла, что аппетиты родственников увеличиваются, а сберегательный

счет в банке тает, словно сахар в горячем чае. Она занервничала и отказала одной из теток в дотации, разразился дикий скандал, в результате которого наглая родственница с воплем: «Чтоб вам в гробу рот купюрами заткнуло!» – вылетела из квартиры Кусковых.

А Галя и Миша приняли историческое решение: они более никому милостыню не подают, и вообще, отчего милых родных не было около Кусковых в те годы, когда супруги не могли себе позволить сыр на бутерброды?

Разозленные побирушки первое время звонили Гале и говорили гадости, потом сменили тактику, начали плакать и жаловаться, но Кусковы сцепили зубы и не дрогнули. Мало-помалу буря утихла, и супруги зажили счастливо, спокойно собирая себе на безбедную старость.

Примерно год тому назад, поздно вечером, в непогожий, холодный октябрьский день в квартире Кусковых раздался звонок. Ляля открыла дверь и увидела худенькую, почти прозрачную девочку лет семнадцати. Одета непрошенная гостья была совершенно не по погоде, в коротенькую юбчонку из кождама и курточку, едва прикрывавшую грудь.

– Здравсти, – пролепетала она, – дядя Миша тут живет?

– Который? – поинтересовалась Ляля. – Дядь Миш полно, ты фамилию назови.

– Кусков, – пробормотала бледная, как дешевый йогурт, девица и упала в обморок.

Ляля кинулась к хозяевам, Галя, человек не злой и даже

скорей сердобольный, мигом вызвала «Скорую», приехавшие медики вынесли вердикт: у незнакомки голодный обморок.

После энного количества уколов замученное существо обрело членораздельную речь и сумело сообщить о себе необходимые сведения.

Девушку звали Катей Воскобойниковой, ее бабка Ольга Ивановна приходилась родной сестрой бабушке Миши. В ранней молодости женщины дружили, но потом жизнь расшвыряла их по разным углам, Ольга Ивановна после окончания учебы отправилась в деревню, где и проработала учительницей до самой смерти, а Елена Ивановна была ткачихой, жила в Москве. Родственницы давно не общались, не переписывались, не созванивались. Елена Ивановна скончалась в начале семидесятых, а вот Ольга Ивановна, хоть и была на три года старше, проскрипела до нынешнего лета, скорей всего свежий воздух продлил ей жизнь.

После смерти бабушки Катя осталась одна, ее родители давным-давно погибли, утонули во время рыбалки. Катюша только успела окончить школу, как Ольга Ивановна преставилась. Глупая девочка, решив, что ей нечего делать в умирающей деревне, надумала кардинально изменить свою судьбу. Для начала она продала скромный бабушкин домик и с вырученными деньгами поехала в Москву, поступать в университет.

На филфак Катя не попала, срезалась на сочинении, в пе-

дагогический тоже не прошла, потерпела неудачу и на экзаменах в техникум. В начале сентября перед растерянной Катюшей стал вопрос: куда деваться? Деньги закончились, возвращаться в село невозможно, негде там теперь жить, родной домик давным-давно принадлежит другим хозяевам.

Катя попыталась устроиться на работу, но везде ей отвечали:

– Московская прописка есть? Постоянная? Ах, нету! Ну простите.

Помыкавшись по разным местам и потеряв всякую надежду устроиться, Катя окончательно растерялась, денег не было совсем, из снимаемой комнатенки хозяйка жиличку выперла. Услышала тихое блеянье девушки:

– Вы уж простите, сейчас заплатить не могу, но в следующем месяце обязательно долг верну, вот только на службу пристроюсь, – и выбросила Катю на улицу со словами:

– Вещички твои пока попридержу, чемодан верну, когда квартплату получу.

Катя оказалась в прямом смысле слова на улице, два дня она бродила по городу, один раз сердобольная продавщица угостила изголодавшуюся девушку булкой с сосиской, а спать провинциалка пристроилась в подъезде какого-то дома, поднялась на самый верхний этаж и скрючилась на подоконнике. Но долго подобный образ жизни вести было невозможно, и тут Катя вспомнила рассказы бабушки о ее сестре, живущей в столице. Денег на транспорт не было, до

нужного места пришлось идти пешком, Катя еле-еле добралась до дома Кусковых и потеряла сознание.

Услыхав жалостный рассказ, Галя зарыдала, а Миша моментально принял решение:

– Ты живешь у нас, и точка.

Детей у Кусковых не было, и маленькая, щуплая, болезненного вида Катя разбудила в Гале материнские чувства.

Кускова одела, обула, слегка откормила богом данную дочку, дала ей денег на оплату долга за квартиру. Девушка съездила к хозяйке, привезла паспорт и жуткого вида чемодан, набитый отвратительными вещами. Галя покачала головой и выкинула шмотки на помойку, Миша целиком и полностью одобрил супругу.

– Сейчас отправим тебя на подготовительные курсы, – сказал он Кате, – а в конце лета ты точно поступишь в институт.

Ляля тоже полюбила возникшую из ниоткуда родственницу хозяев. Катюша была очень милой, приветливой, с ее появлением в доме словно засияло солнышко. К тому же девочка оказалась трудолюбива и старалась изо всех сил помочь по хозяйству: то картошки почистит, то полы помоем, то гладить бросится. Когда Ляля останавливала Катю со словами: «Это моя работа», та, весело улыбаясь, отвечала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.